МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ТАМБОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ 1917-1933 гг.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
Под редакцией профессора **Н. А. Окатова**

ТАМБОВ 1988

числу деревенских партийных организаций. Преобладающими стали партийные ячейки, созданные по производственному принципу. Среди них значительное место занимали партийные ячейки при колхозах (63 процента), объединявшие 36647 коммунистов. В совокупности с партийными ячейками, созданными при совхозах и МТС, они составили к январю 1933 г. 84,3 процента. Данные перестройки свидетельствовали о том, что новая структура партийной сети дала возможность в значительной степени укрепить низовое производственное звено, шире охватить партийным влиянием решающие участки колхозного производства.

Таким образом, деятельность областной партийной организации по укреплению сельских ячеек оказала решающее воздействие на повышение их роли в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Пополнение деревенских партийных организаций за счет представителей колхозного крестьянства, а также коммунистов—посланников рабочего класса, способствовало тому, что они стали опорными пунктами пролетарского руководства социалистическим строительством на селе. Имея большой опыт социалистического строительства в промышленности, представители рабочего класса, направленные партией на работу в деревню, оказывали огромную помощь крестьянству в развитии колхозного строя. Давая оценку роли партии в колхозном строительстве, секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И. М. Варейкис подчеркивал, что рабочие «...принесли в деревню опыт передовых городских районов. Они воспитывали, обучали деревенских активистов и сами, в свою очередь, учились у них действительному пониманию жизни и экономики советской деревни»[1].

Огромное значение имела перестройка партийных организаций по производственному принципу. Значительная приближенность ячеек к сельскохозяйственному производству позволила им стать в авангарде бедняцко-середняцких масс и возглавить их борьбу за победу социализма в деревне.

[1] Ленинский путь. 1931, № 15. С. 7.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОТАСОВ Л. Г.	Партийное строительство в гарнизонах Центрального Черноземья (1917 г.)	3
ОКАТОВ Н. А.	Образование Тамбовской губернской организации РКП(б)	14
КАНИЩЕВ В. В.	Партийное строительство в городах Центрального Черноземья в первый год пролетарской диктатуры	33
ПРОТАСОВ С. Л.	Волостные и сельские организации РКП(б) Тамбовской губернии (1918—1919 гг.)	46
АБРЕХ А. Л.	Партийная неделя 1919 г. в Тамбовской губернии	66
ПРОТАСОВ С. Л.	Деятельность Тамбовского губернского комитета РКП(б) в первые годы Советской власти	78
ЕСИКОВ С. А.	Сельские партийные ячейки Центрального Черноземья в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)	87
ЯКУШКИН Е. М.	Деятельность партийных организаций Центрального Черноземья по регулированию социального состава своих рядов (1921—1925 гг.)	107
БОРЗИХИН А. И.	Организационное укрепление сельских партийных организаций Центрального Черноземья в годы социалистического строительства (1928—1933 гг.)	128

Название уезда	Время установления Советской власти	Время образования укома	Источники
			сы истории КПСС. 1968. № 9. С. 85.
Кирсановский	12.II.18	В мае 1918 г. Первая уездная партийная конференция состоялась 15 июня. К декабрю 1918 г. в 88 организациях уезда состояло 3490 членов.	Переписка Секретариата ЦК РКП(б)... Т. VII. С. 434; Вопросы истории КПСС. 1968. № 9. С. 85.
Спасский	2.II.18	15 мая 1918 г. К ноябрю 1918 г. в уезде 23 ячейки, членов — 500.	Вопросы партийной работы в деревне: Сб. статей. Тамбов, 1978. С. 11; Вопросы истории КПСС. 1968. № 9. С. 87.
Елатомский	1.III.18	Июнь 1918 г. К ноябрю 1918 г. в уезде 28 ячеек.	Наука и жизнь. 1969. № 3. С. 39; Вопросы истории КПСС. 1968. № 9. С. 87.
Темниковский	3.III.18	Сентябрь 1918 г. К ноябрю 1918 г. в 23 ячейках уезда состояло 500 человек.	НАТО, ф. 840, оп. 1, д. 62, л. 24; Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967. С. 108.

В. В. КАНИЩЕВ

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПЕРВЫЙ ГОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Общие вопросы партийного строительства (создание новых организаций, рост численности коммунистов, регулирование социального состава партии и др.) в первый год диктатуры пролетариата в историко-партийной литературе рассмотрены достаточно полно. Им уделено серьезное внимание в обобщающих трудах по истории партии, в ряде специальных исследований.[1] Вместе с тем очень мало еще изучена проблема пополнения партии представителями непролетарских слоев трудящихся.

Партийное строительство в губерниях Центрального Черноземья после Октябрьской революции специально исследовалось в диссертации А. А. Левина. В этой работе показаны ход и особенности партийного строительства в регионе, выявляется специфика строительства сельских парторганизаций.[2] Однако отличительные черты партийного строительства в городах Центрального Черноземья, связанные с особенностями их социального состава, в ней практически не рассматриваются.

Отдельные сведения, касающиеся возникновения, изменений численности, состава партийных организаций городов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний в первый год Советской власти, содержатся в очерках истории местных парторганизаций[3]. Но они имеют фрагментарный характер

[1] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 2; Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; Адамова И. А. Вопросы внутрипартийной жизни РСДРП(б) — РКП(б) в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1982; Андрухов Н. Р. Партийное строительство после Октября. 1917 — 1924 гг. М., 1973; Китаев М. А. Партийное строительство в годы гражданской войны. М., 1975 и др.

[2] См.: Левин А. А. Создание и организационное укрепление местных партийных организаций в первые годы Советской власти (октябрь 1917—1920 гг.). (На материалах губерний Центрального Черноземья). Автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 1971.

[3] См.: Очерки истории Воронежской организации КПСС. Изд. 2-е, доп. и перераб. Воронеж. 1979; Очерки истории Курской организации КПСС. Воронеж, 1980; Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж, 1984.

и не позволяют в целом воссоздать ход и особенности партийного строительства в городах региона.

Источники по истории партийного строительства в городах Центрального Черноземья в конце 1917—1918 гг. представлены протоколами партийных съездов, конференций, собраний местных большевиков, различными отчетами и информациями, материалами проверок рассматриваемых парторганизаций вышестоящими органами партии, воспоминаниями непосредственных участников событий того времени и т. п.

Одними из главных особенностей партийного строительства в этих городах в послеоктябрьские месяцы были растянутость сроков, сравнительно позднее создание парторганизаций во многих городах (Таблица 1).

Как видно из таблицы, в октябре 1917 г. большевистские организации имелись лишь в 15 из 46 городов рассматриваемого региона. В остальных городах большевики либо продолжали находиться в единых организациях с меньшевиками, либо являлись не объединенными в организацию одиночками. Окончательное размежевание с меньшевиками и объединение разрозненных большевистских сил в партийные организации стали главными задачами партийного строительства в городах Воронежской, Курской, Тамбовской губерний в первые месяцы пролетарской диктатуры. Первая задача была решена сравнительно быстро.[1] Значительно сложнее решалась вторая задача. Лишь в Кадоме, Новом Осколе, Обояни и Старом Осколе организации большевиков были созданы зимой 1917—1918 г. В 7 городах они возникли в апреле—мае, еще в 12 — во второй половине 1918 г., а в 5—еще позднее.

Отставание партийного строительства от советского объясняется тем, что вплоть до весны 1918 г. основные силы партии были направлены на слом старого буржуазного аппарата и создание нового аппарата власти, на разгром первых очагов контрреволюции[2]. Естественно, что в таких условиях вопросы партийного строительства решались медленно. Так, в Липецке самостоятельная организация большевиков возникла 17 декабря 1917 г. Но только 2 апреля 1918 г. был избран комитет РКП(б) и принята инструкция, определившая обязанности члена партии. Курский горком РСДРП(б) еще 3 января 1918 г. принял решение о создании районной организации в пригородной Ямской слободе

[1] См. Статью Н. А. Окатова в этом сборнике.
[2] См.: Адамова И. А. Указ. соч. С. 14; Минц И. И. Указ. соч. С. 19.

Таблица 1.

Время создания партийных организаций в городах

ВОРОНЕЖСКОЙ, КУРСКОЙ, ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ[1]

До октября 1917 г.	Ноябрь 1917 г. — май 1918 г.	Июнь — август 1918 г.	Сентябрь — декабрь 1918 г.	Позднее 1918 г.
Белгород, Бобров, Валуйки, Воронеж, Задонск, Кирсанов, Козлов, Коротояк, Курск, Новохоперск, Острогожск, Рыльск, Суджа, Тамбов, Усмань	Алексеевка, Борисоглебск, Елатьма, Кадом, Калач, Лебедянь, Липецк, Моршанск, Новый Оскол, Обоянь, Старый Оскол, Фатеж, Шацк, Щигры	Бирюч, Дмитриев, Льгов, Нижнедевицк, Павловск, Спасск, Тим	Богатый, Богучар, Землянск, Короча, Темников	Бутурлиновка, Грайворон, Миропольe, Путивль, Хотмыжск

[1] См.: Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917 — 1918 годах. М., 1974. С. 484, 490, 496; Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. Воронеж, 1957. С. 176; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1957. С. 408, 417; Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917—1918 годы). Тамбов, 1957. С. 148—149, 181, 184; Вопросы истории КПСС. 1958, № 2. С. 161, 167, 175; Дни грозовые. Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны. 1918—1920 гг. Воронеж, 1960. С. 237, 241—243; Очерки истории Липецкой организации КПСС. Воронеж, 1982. С. 52; ЦАКО, ф. 65, оп. 1, д. 16, лл. 11, 51; ф. 119, оп. 1, л. 9; Правда, 1918, 30 июня; Чипяев Н. И. Полвека в строю. Из истории Темниковской районной партийной организации. Саранск, 1971. С. 44.

й партячеек на предприятиях. Однако из-за нехватки и занятости на советской работе партийных кадров реализация этого решения затянулась. Как вспоминала старая большевичка Е. И. Брянцева, «до мая 1918 г. курская организация большевиков не могла в достаточной степени развернуть партийную работу».[1] Да и в тех городах, где партийные организации уже сложились, дальнейшее партийное строительство осложнялось перегруженностью небольшого числа активных и подготовленных коммунистов советской работой.

Весной—летом 1918 г. парторганизации многих городов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний получили существенное подкрепление в лице опытных коммунистов из Москвы, Петрограда, Украины, которые усилили работу по партийному строительству. Но это не сразу начало давать результаты. В рассматриваемый период создание большевистских организаций в городах Центрального Черноземья, где большинство населения составляли средние городские слои, было крайне осложнено инертностью и колебаниями политических настроений этих слоев.

До Октябрьской революции только лучшие представители средних городских слоев вступили в ряды большевиков. Среди них можно назвать учителей С. Л. Аристархову (Курск) и Г. М. Овсянникова (Усмань), преподавателей коммерческих училищ Н. Н. Корытина (Борисоглебск) , Л. М. Малыхина (Козлов), И. Г. Озембловского (Белгород), земского врача Н. Н. Исполатова (Усмань), статистика Н. Н. Карташова (Воронеж), приказчика, а затем студента М. Д. Чичканова (Тамбов), фельдшера Н. В. Лисицына, торгового служащего С. Г. Тищенко (Острогожск). Огромное же большинство непролетарских слоев трудящихся города по своим идейно-политическим и социально-психологическим качествам не было готово к вступлению в большевистскую партию.

Один из руководителей тамбовских большевиков Б. А. Васильев говорил, что население Тамбова еще накануне Октября продолжало верить в эсеровскую ложь о большевиках как немецких шпионах[2]. Делегат II Тамбовской губернской партконференции от Усмани Зайдес заявил, что главной трудностью на пути создания большевистской организа-

[1] См.: Борьба рабочих и крестьян... С. 148; Очерки истории Липецкой организации КПСС. С. 52; Очерки истории Курской организации КПСС. С. 93.

[2] См.: Красный Октябрь. Тамбов, 1921. С. 7—8.

ции в городе являлся мещанский состав населения[1]. Представитель московских большевиков С. А. Миронов, побывавший весной 1919 г. в Шацке, отмечал, что в городе «созданию партийной организации и налаживанию партийной работы мешал мещанско-обывательский состав населения, которому совершенно чужда общественная и политическая работа и перевоспитать его стоит великих усилий»[2].

Только в конце лета — осенью 1918 г., когда наметился поворот непролетарских слоев трудящихся на сторону диктатуры пролетариата, возникают партийные организации в городах Бирюче, Богатом, Дмитриеве, Землянске, Короче, Льгове, Нижнедевицке, Павловске, Темникове (см. табл. 1).

Воронежский губком большевиков в отчете ЦК РКП(б) в конце 1918 г., определяя мотивы вступления в партию представителей непролетарских слоев трудящихся, отмечал, что «Советская власть становится более привлекательной в самое последнее время, когда ее положение упрочилось»[3]. Это, на наш взгляд, наиболее точно отражает суть перемен в политических настроениях средних городских слоев. Они совершили поворот на сторону Советской власти осенью 1918 г., т. к. именно в это время увидели прочность и жизнеспособность диктатуры пролетариата. Как писал В. И. Ленин, масса полупролетариев и мелких буржуа «никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры[4].

Серьезное влияние на партийное строительство в городах Центрального Черноземья оказало то, что ряд районов Воронежской и Курской губерний был захвачен белоказаками и германскими интервентами. Именно по этой причине лишь в конце 1918 г. и позже возникли партийные организации в Богучаре, Бутурлиновке, Грайвороне, Путивле. В течение всего года практически не действовали парторганизации в оккупированных Белгороде, Рыльске, Судже. Близостью к фронту можно объяснить почти полное отсутствие сведений вплоть до осени 1918 г. о деятельности и даже существовании большевистских организаций в Валуйках, Новохоперске,

[1] См.: Борьба рабочих и крестьян... С. 185.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 334, л. 49.

[3] Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Т. 5. М., 1970. С. 327—328.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 23.

ность коммунистов заметно сократилась. Причем, в ряде из них она даже осенью 1918 г. не достигла уровня конца 1917 г. Сокращение численности коммунистов происходило главным образом в результате массовой демобилизации старой армии. Среди демобилизованных солдат было немало коммунистов, составлявших большинство в партийных организациях целого ряда городов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний. В Боброве, Валуйках, Новохоперске, Острогожске и даже Воронеже вплоть до конца 1918 г. не нашлось достаточно подлинно революционных элементов, способных восполнить уход солдат старой армии из здешних парторганизаций.

Но в целом по городам региона летом 1918 г. начался рост численности организаций РКП(б). Как отмечал Воронежский губком партии, после левоэсеровского мятежа наметился рост числа членов городских парторганизаций губернии по «нерабочей группе».[1] В парторганизациях других городов региона рост численности также происходил в основном за счет непролетарских слоев трудящихся.

Определенные представления об изменениях численности городских парторганизаций Воронежской, Курской, Тамбовской губерний позволяют получить данные, помещенные в таблице 2.

В октябре 1917 г. в большевистских организациях трех губерний Центрального Черноземья было свыше 2,6 тыс. членов. Осенью 1918 г. произошло громадное увеличение численности городских партийных организаций Воронежской, Курской, Тамбовской губерний. Она достигла приблизительно 9 тыс. членов, кандидатов и сочувствующих. Заметно выросли отдельные городские организации. В октябре 1917 г. 100 и более коммунистов было в 7 организациях, в ноябре 1917 г.—мае 1918г .—в 6, в июне—августе 1918 г.—8, в сентябре—декабре 1918 г.—в 15. Но в целом к концу 1918 г. организации РКП(б) городов Центрального Черноземья оставались небольшими. Значительную часть многих из них составляли кандидаты и сочувствующие.

Специфическим был социальный состав большевистских организаций городов рассматриваемого региона. По данным отчета Воронежского губкома РКП(б), в городской партийной организации Воронежа в декабре 1918 г. рабочие составляли 60 процентов, интеллигенты, студенты, техники — 20 процентов, служащие — более 18 процентов, крестьяне— 1 процент, в организациях уездных городов в целом—соответственно 51 процент, 17 процентов, более 18 процентов, 5 процентов. Причем понятие «рабочий класс» в этом документе толкуется весьма широко. В число рабочих включены «работающие на дому»,[1] т. е. мелкие производители, явно непролетарские элементы. Поэтому можно утверждать, что в большевистских организациях городов Воронежской губернии большую часть составляли представители непролетарских слоев трудящихся. Поскольку социальная структура городов Воронежской губернии была однородна с другими городами Центрального Черноземья, можно говорить и об однородности классового состава партийных организаций этих городов. Имеющиеся данные о составе организаций РКП(б) Усмани и Шацка в начале 1919 г. свидетельствуют о том, что и здесь выходцы из рабочего класса были в меньшинстве, составляя не более трети коммунистов, а основная часть членов организаций была представлена служащими, интеллигенцией, крестьянством.[2]

Вступление в ряды Коммунистической партии большого числа непролетарских элементов вызвало необходимость регулирования ее социального состава. Наряду с подлинно передовыми представителями этих слоев, искренне вставшими на позиции большевиков, в партию проникали и случайные люди. Проникновение в партию случайных представителей мелкобуржуазных слоев порождалось часто неопределенностью условий приема в партию выходцев из этих слоев. Так, Нижнедевицкая организация РКП(б) в октябре 1918 г. решила, что все советские служащие должны быть членами партии или сочувствующими, иначе они подлежат увольнению.[3] Козловский горком РКП(б) отмечал, что ввиду нарушения устава о сочувствующих в некоторых организациях служащие записывались в сочувствующие чуть ли не целыми отделами, в результате чего ячейки оказались переполненными «элементом неопределенным в политическом отношении»[4].

Случайность вступления в ряды партии некоторых представителей средних городских слоев стала особенно заметной в начале 1919 г., когда усложнилось внутреннее положение Советской республики, обострилась классовая борьба. В этой связи интересна самооценка политических настроений, данная на собрании почтово-телеграфных служащих

[1] См.: Переписка Секретариата ЦК РКП(б)... Т. 5. С. 328.

[1] См.: Переписка Секретариата ЦК РКП(б)... Т. 5. С. 325—326.
[2] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 72, л. 163; оп. 6, д. 334, л. 148.
[3] См.: ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 1.
[4] См.: Известия Козловского Совета. 1918. 9 октября.

Коротояка 10 марта 1919 г.: «При Коротоякской конторе (почтово-телеграфной — В. К.) формально числится ячейка сочувствующих коммунистам, фактически же она распалась ввиду того, что многие члены выехали в Красную Армию, а оставшиеся не могут найти ответа на мучащие их вопросы. Вообще же замечается охлаждение к политике, оправданием (вероятно, лишь объяснением — В. К.) служит продовольственный кризис, через который большая часть свободного времени уходит на поиск насущных продуктов, а также на рубку дров, очистку дворов и прочие хозяйственные дела».[1]

В докладе о ячейках сочувствующих на собрании Моршанской организации РКП(б) 8 апреля 1919 г. отмечалось, что «по мере обострения классовой борьбы к членам нашей партии предъявлялись все большие и большие требования как в смысле этическом, так и в смысле активности, отвечающей психологии действительно пролетарских масс, нашим ближайшим задачам и т. п.». Далее докладчик заявил, что «элементы, вышедшие из среды обывательской бедноты, не изжившие мещанских предрассудков, не могли полностью отвечать таким требованиям», поэтому в ячейках сочувствующих оказалось немало «отсталых элементов»[2].

Уже весной — летом 1918 г. партийные организации городов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний начали поиск действенных мер регулирования партийного состава, предотвращения проникновения в него случайных людей. Важную роль в проверке качеств вступавших в партию сыграло введение института кандидатов в члены партии. В августе 1918 г. на II Тамбовской губернской партийной конференции делегаты от Лебедяни, Липецка, Кадома сообщали о существовании в их организациях 2—3-месячного кандидатского стажа[3]. Летом—осенью 1918 г. кандидатский стаж был введен в парторганизациях Богатого, Обояни, Усмани[4].

В 1918 г. партийные организации городов Центрального Черноземья начали прибегать к перерегистрациям своих членов и партийным чисткам. В июне была проведена перерегистрация в Курской городской и Ямской районной организациях, в сентябре — в Коротоякской, в октябре — в

[1] См.: ГАВО, ф. 2342, оп. 1, д. 8, л. 21.
[2] См.: ПАТО, ф. 997, оп. 1, д. 49, л. 17.
[3] См.: Борьба рабочих и крестьян... С. 181, 182, 185.
[4] См.: ПАКО, ф. 119, оп. 1, д. 1, лл. 7, 9; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 72, л. 163.

Борисоглебской и Льговской городских организациях РКП(б)[1]. В июле 1918 г. прошла чистка Липецкой городской парторганизации. В конце года решение о чистке партийных рядов приняла III Тамбовская губернская партконференция[2]. В 1918 г. такие меры регулирования состава партии, как перерегистрация и чистка, только начинали применяться и имели единичный характер. Но уже тогда они способствовали поддержанию чистоты партийных рядов.

Таким образом, процесс партийного строительства в городах Центрального Черноземья в первый год пролетарской диктатуры имел немало специфичных черт. Но несмотря на замедленность становления парторганизаций, неравномерность и противоречивость изменений численности большевистских городских организаций региона, преобладание в них представителей непролетарских слоев трудящихся, Коммунистическая партия к концу 1918 г. стала располагать почти во всех губернских и уездных городах Воронежской, Курской, Тамбовской губерний своими организациями, способными претворять в жизнь политику партии.

Исторический опыт КПСС по созданию в условиях мелкобуржуазной страны в кратчайшие сроки широкой сети партийных организаций имеет весьма актуальное значение. В Программе Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция) отмечается: «Характерная черта нашего времени — подъем массовых демократических движений в несоциалистическом мире... В борьбу против засилья монополий и реакционной политики правящих классов включаются интеллигенция, служащие, фермерство, представители городской мелкой буржуазии, национальных меньшинств, молодежь, студенчество»[3]. Перед коммунистическими и рабочими партиями, ставящими целью установление власти рабочего класса и построение социализма, возникает задача не только вовлечь эти слои в революционную борьбу, но и принимать их лучших представителей в ряды коммунистов. Поэтому полезным может оказаться опыт КПСС в области партийного строительства.

[1] См.: Очерки истории Курской организации КПСС. С. 96; ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 96, л. 149; Борьба рабочих и крестьян... С. 231; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. С. 435.
[2] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 22, л. 107; Борьба рабочих и крестьян... С. 250.
[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 134.

С. Л. ПРОТАСОВ

ВОЛОСТНЫЕ И СЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918—1919 гг.)

В годы гражданской войны успех дела защиты завоеваний социалистической революции во многом зависел от того, насколько быстро и эффективно будет решена задача управления Россией.[1] Применительно к деревне она состояла в создании прочного союза рабочего класса и крестьянства. Решению этого ключевого вопроса политики партии и было подчинено партийное строительство в первые годы Советской власти.

В ряде работ тамбовских историков подвергнуты изучению важные аспекты партийного строительства в сельской местности в период гражданской войны.[2] Исследование, однако, замыкается в основном в рамках организационно-партийной работы. Гораздо слабее показана многосторонняя деятельность волостных и сельских ячеек РКП(б). Проблемы партийного руководства Советами на селе практически не затрагиваются.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть процесс создания, организационного укрепления сельских партийных организаций Тамбовской губернии в 1918 — 1919 гг., основные направления их деятельности, показать зависимость темпов, форм и методов партийного строительства от соотношения классовых сил в деревне, влияния партии на крестьянские массы. Представляются важными новые статистические сведения о числе партийных организаций и коммунистов в деревне, приводимые в статье.

К лету 1918 г. количество большевистских ячеек на селе несколько увеличилось по сравнению с октябрем 1917 г. Московское областное бюро РКП(б) за первые шесть месяцев Советской власти зарегистрировало около трехсот

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 254.

[2] См.: Аврех А. Л. Отделы по работе в деревне партийных комитетов Тамбовской губернской организации РКП(б) // Под знаменем Октября. Вып. 3. Тамбов. 1975; Окатов Н. А., Шпаковский В. В. Партийное строительство в губерниях Центрального Черноземья в 1918—1920 гг. // Вопросы партийной работы в деревне. Тамбов, 1978; Очерки истории Тамбовской организации КПСС. С. 76—107.

крестьянских партийных ячеек.[1] В восьми уездах Тамбовской губернии было всего одиннадцать волостных и сельских ячеек.[2] По сравнению с числом сел и деревень эти цифры весьма незначительны. Налицо несоответствие организационной структуры партии и Советов: Советы строились применительно к административно-территориальному делению страны, партийные комитеты были созданы даже не во всех уездных центрах.[3]

В циркулярном письме ЦК РКП(б) «Всем партийным организациям и всем членам партии об укреплении рядов партии» от 22 мая 1918 г. указывалось на необходимость «обратить самое серьезное внимание на партийное строительство», содержался призыв «к самой дружной, энергичной работе по укреплению партийных организаций, к поднятию на должную высоту дисциплины и сплоченности в наших собственных рядах».[4]

Сложность партийного строительства в Тамбовской губернии заключалась в том, что местный рабочий класс в силу своей малочисленности не мог взять в свои руки решение организаторских задач в деревне. В значительной степени он был связан с сельским хозяйством, намного отставал в своем революционном развитии от рабочего класса важнейших административно-политических и экономических центров страны[5]. Сильны были позиции кулачества и левых эсеров. Часто им удавалось, используя недостаточную организованность и политическую сознательность деревенской бедноты, слабость партийных органов, проникать в волостные и сельские Советы, брать в них руководство. В. И. Ленин так характеризовал состояние деревни в тот период: «Советы объединяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу»[6]. Председатель Кирсановского укома РКП(б) А. И. Агейкин отмечал, что низовые Советы в уезде «не были чисто пролетарскими, потому что из-за неорганизованности бедня-

[1] Морозов Б. М. Партия и Советы в Октябрьской революции. М. 1977. С. 269.

[2] Вопросы истории КПСС. 1968. № 9. С. 80—81, 84—87 (Подсчет наш).

[3] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М. 1968. С. 59.

[4] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М. 1983. С. 64.

[5] См.: Мищ И. И. История Великого Октября. С. 434; Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного Центра России (октябрь 1917—1918). Воронеж. 1976. С. 7.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 313.

нашей Коммунистической партии в массовом масштабе осуществлено только при наличии комбедов».[1]

К концу 1918 г. сельские партийные ячейки стали уже повсеместно направлять деятельность комитетов бедноты. Так, Добринская волорганизация РКП(б) Липецкого уезда в декабре образовала комиссию для ревизии всех комбедов волости. Шацкий уком для координации действий сельсоветов, комбедов, партийных ячеек организовал в ноябре их съезд.[2] Как следствие, резко возросла прослойка коммунистов в комитетах бедноты. По данным 803 анкет, среди всех должностных лиц комбедов губернии, большевики составляли 33 процента, сочувствующие им—48 процентов; среди председателей 41,4 процента коммунистов и столько же сочувствующих.[3]

В сентябре 1918 г. ЦК РКП(б) призвал местные партийные организации «закрепить влияние нашей партии в самых широких кругах деревенской бедноты».[4] Выполняя это указание, Тамбовский губком и уездные комитеты РКП(б) приняли энергичные меры по организации и инструктированию сельских партийных ячеек. В декабре 1918 г. Шацкий уком организовал группу агитаторов из 22 человек для обслуживания ячеек уезда. Была открыта партийная школа, в которую пригласили по одному представителю от каждой организации.[5] К концу года многие партийные ячейки значительно окрепли, постепенно превращались в центры объединения бедноты, вырос их политический авторитет. Передавая настроение крестьян-бедняков с. Староюрьево Козловского уезда, рабочий-организатор И. А. Абросимов писал председателю Тамбовского губкома партии Ж. А. Миллеру, что «без партийной ячейки, которая могла бы проводить декреты, коммунистические взгляды, в государственной области нет выхода»[6].

Ячейки старались охватить своим влиянием все сферы жизни деревни, перечень их практических дел был самым разнообразным. Много внимания уделялось агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной деятельности. Но на первое место в работе всех коммунистов губернии в конце 1918—начале 1919 гг. вышла борьба за хлеб. Исследователи высоко оценивают роль низовых партийных

[1] Правда 3 ноября 1918 г.
[2] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 51, л. 6; д. 65, л. 5.
[3] Комитеты бедноты: Сб. материалов. Т. 1. М., Л., 1933. С. 34.
[4] Переписка Секретариата ЦК РКП(б)... С. 42.
[5] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 65, л. 10—11.
[6] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 42, л. 18—19.

ячеек в продовольственной работе[1]. Сельские коммунисты занимались борьбой с нарушителями хлебной монополии (самогонщиками, мешочниками и т. п.). С начала 1919 г. расширяется их участие в заготовках в качестве учетчиков, агентов на ссыпных пунктах, агитаторов. В результате самоотверженной работы продотрядов и местных коммунистов губерния в 1918—1919 гг. дала республике более 14 миллионов пудов хлеба, выйдя на первое место по его заготовке[2].

В краеведческой историко-партийной литературе приводятся данные о том, что в губернии к концу 1918 г. насчитывалось 277 деревенских партийных ячеек, объединявших 1916 коммунистов при общей численности губернской партийной организации в 7566 коммунистов[3]. А. А. Чернобаев в статье «О численности сельских большевистских организаций в 1918 г.» определяет число деревенских ячеек по Тамбовской губернии на декабрь 1918 г. в 337, а коммунистов в них—в 7739[4]. Изучение документов партийного архива Тамбовского обкома КПСС позволило провести ряд уточнений, которые отражены в таблице 1.

Таблица 1.

Численность сельских партийных организаций Тамбовской губернии в конце 1918—начале 1919 гг.[5]

На плане уезда / Число и состав партячеек	Конец 1918 г.		Март-апрель 1919 г.	
	ячеек	коммунистов и сочувствующих	ячеек	коммунистов и сочувствующих
Борисоглебский	38	545 (в 24 ячейках)	29	785
Елатомский	27	438	Неизв.	500
Кирсановский	78	3075	78	2768
Козловский	58	1610	58	1535
Лебедянский	17	200	8	80

[1] См.: Аврех А. Л. Партийные организации Черноземного Центра России в борьбе за хлеб в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Диссертация... канд. ист. наук. Тамбов, 1978. С. 76.
[2] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 31, л. 8; д. 87, л. 83; Очерки истории Тамбовской организации КПСС, с. 84.
[3] Очерки истории... С. 85; Под знаменем Октября вып. 3. С. 4.
[4] Вопросы истории КПСС. 1978. № 2. С. 82.
[5] См.: Вопросы истории КПСС. 1968. № 9; ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 41, л. 1—4; д. 57, л. 405; д. 75, лл. 9—11; д. 88, л. 10; д. 152, лл. 24—24об; д. 154, л. 88об; д. 172, л. 6; д. 178, л. 1; д. 185, л. 11; д. 232, л. 6; д. 250, л. 155—156; д. 289, л. 1; д. 299, л. 1; д. 307, лл. 8—8об.

Название уезда / Число и состав партячеек	Конец 1918 г.		Март—апрель 1919 г.	
	ячеек	коммунистов и сочувствующих	ячеек	коммунистов и сочувствующих
Липецкий	26	363 (в 15 ячейках)	15	100
Моршанский	30	146 (в 3 яч.)	20	150
Спасский	64	1706	94	1216
Тамбовский	58	810 в 26 ячейках	75	2000
Темниковский	23	500	36	нет свед.
Усманский	21	342	35	411
Шацкий	29	314	28	378
Всего по губернии:	469	10049	476	9923

Из таблицы видно, что численность коммунистов, состоявших членами 454 волостных и сельских партийных организаций губернии, к концу 1919 г. превысила десять тысяч человек. Наиболее многочисленными были Кирсановская, Козловская и Спасская уездные организации РКП(б), объединявшие более половины сельских коммунистов губернии. По количеству сельских ячеек РКП(б) и коммунистов в них Тамбовская партийная организация стояла значительно выше среднестатистического показателя по 14 губерниям производящей полосы (163 ячейки и 5774 члена партии).[1]

Состоявшаяся в декабре 1918 г. III губернская партийная конференция выработала план усиления партийно-организационной работы в деревне. В резолюции по оргвопросу предусматривалось строительство волостных комитетов по единому типу: они должны были состоять из трех или пяти членов, избираемых волостной конференцией.[2]

Можно выделить несколько типов волостных ячеек. Часть из них действовала в пределах волостного села и практически ничем не отличалась от сельских ячеек. Другой тип волячеек объединяет те организации, которые руководили несколькими сельячейками, регулярно собиравшимися на

[1] См.: Вопросы истории КПСС. 1978. № 2. С. 80. Для сравнения укажем, что к лету 1918 г. в губернии было 2700 членов партии. См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М., 1968. С. 430—431.

[2] ЦАТО. ф. 840, оп. 1, д. 14, лл. 3, 35.

волостные конференции и избиравшими волостной комитет РКП(б) («волкомпарт» или «волкомболь» по терминологии того времени). На наш взгляд, к этому типу примыкает третий, к которому можно отнести ячейки в волостных селах, существовавшие в волости в единственном числе, но проводившие в ней активную политико-массовую, агитационную работу, контролировавшие деятельность сельских Советов. В статистике укомов такая градация, к сожалению, проводилась далеко не всегда[1].

К концу 1918 г. завершился важный этап в развитии социалистической революции в деревне. Комбеды к тому времени исчерпали свои функции, и было принято решение об их слиянии с Советами. VI Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в ноябре 1918 г., предложил незамедлительно «приступить к перевыборам всех волостных и сельских Советов, возлагая непосредственное проведение в жизнь перевыборов на комитеты деревенской бедноты»[2].

Тамбовские коммунисты приложили максимум усилий для обеспечения партийного руководства перевыборами, привлечения к ним широких бедняцко-середняцких масс. Важная роль отводилась низовым парторганизациям, так как именно волостное и сельское звенья советского аппарата были наиболее сильно засорены кулацкими элементами. Кулаки и их политические наставники, левые эсеры, потерпев поражение в открытых вооруженных столкновениях в конце 1918 г., изменили тактику. Они стремились любыми путями обойти декабрьскую инструкцию ВЦИК о перевыборах и пролезть в исполкомы уездных, волостных и сельских Советов. В ряде волостей Усманского, Кирсановского, Козловского уездов велась агитация за сохранение прежнего состава Советов[3].

В такой обстановке партийные ячейки стремились создать надлежащее агитационно-пропагандистское обеспечение перевыборной кампании путем устройства митингов, собраний, бесед, пробудить к ней интерес крестьян. В целом эта задача была решена успешно. «...Интерес к перевыборам был громадный, индифферентности нигде не было», — конста-

[1] А. Л. Аврех с достаточным основанием относит работу по установлению различий между волостными и сельскими ячейками ко второй половине 1920 г. См.: Под знаменем Октября. Вып. 3. С. 15.

[2] Шестой Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1919. С. 93.

[3] Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 180.

тировалось в отчете губисполкома[1]. Нетрудно заметить, что в уездах наиболее густой сетью партийных ячеек перевыборы прошли организованно и в срок. Так, в Тамбовском уезде они состоялись уже 26—29 декабря. 19 декабря на заседании укома РКП(б) был утвержден список председателей волостных комиссий по перевыборам. Они в основном комплектовались из активистов партийных ячеек. В исполкомы волостных Советов Кирсановского уезда было избрано 62,8 процента коммунистов, 33,5 процента сочувствующих им, лишь 3,2 процента беспартийных и один левый эсер (0,5 процента). В составе уездного съезда Советов (февраль 1919 г.) прослойка коммунистов и сочувствующих была несколько ниже: соответственно 37,1 и 32,8 процента. В целом для всех уездов характерно то, что партийная прослойка в исполкомах волостных и уездных Советов была выше, чем среди делегатов съездов и общем числе избранных в эти Советы[2].

Было бы неверно рисовать итоги деятельности партийных комитетов Тамбовской губернии по перевыборам как безусловно успешные, особенно в низшем, сельском звене. Интересный материал для анализа дают доклады с мест представителей волостных и сельских ячеек на уездных партийных конференциях, состоявшихся в феврале 1919 г. На II Липецкой уездной конференции РКП(б) выступали представители восемнадцати ячеек. О полном контроле над местным Советом смогли сообщить девять из них. На II Спасской уездной конференции отмечалось, что в ряде волостей состав сельсоветов хуже, чем волостных. Восемь делегатов доложили о контроле над волсоветами и вхождении в них, девять—о трениях с Советами или отсутствии руководства ими. На Козловской уездной конференции секретарей и председателей ячеек выяснилось, что в восемнадцати волостях и селах перевыборы прошли удачно, в тринадцати — неудачно, а в шести в Советы смогли пройти кулаки[3].

Некоторые партийные организации были вынуждены ставить перед уездными исполкомами вопрос о проведении новых выборов в отдельные Советы. Так поступили, например, коммунисты Пичаевской волости Борисоглебского уезда в марте 1919 г. На заседании ячейки был намечен ряд ком-

[1] ГАТО, ф. 394, оп. 1, д. 177, л. 45.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 604б, ч. 1, л. 8; Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 181.
[3] ПАТО ф. 840, оп. 1, д. 221, лл. 2—5; д. 245, лл. 1 об—3; д. 108, лл. 6—18.

мунистов на посты председателя, товарища председателя и заведующих отделами, которые и были проведены в волисполком.[1] Таким образом, в ходе перевыборов в конце 1918—начале 1919 гг. был сделан важный шаг по установлению контроля низовых большевистских ячеек в деревне над соответствующими Советами, однако полного контроля достигнуть еще не удалось.

Губернские и уездные партийные органы постоянно держали в поле зрения вопрос об установлении правильных взаимоотношений между партийными ячейками и Советами. В резолюции IV губернской партконференции по организационному вопросу отмечалось, что Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы в Советах, указывалось на необходимость образования партийных фракций во всех советских организациях и недопустимость смешения функций партийных комитетов и государственных органов, прежде всего Советов.[2] Самостоятельная работа ячеек вместо советских органов была политически неверной. В январе 1919 г. Тамбовский губком РКП(б) в письме «Чего не должна делать сельская ячейка коммунистов?», указав на это, запретил им прибегать к накладыванию штрафов и контрибуций, к реквизициям и конфискациям. Спустя два месяца он уже мог констатировать уменьшение подобных нарушений, ведение энергичной борьбы с ними.[3]

Главным результатом организационной работы РКП(б) в деревне во второй половине 1918—начале 1919 г. был существенный прирост численности сельских коммунистов. «Теперь уже можно сказать, что по крайней мере половина всех членов партии приходится не на город», — писала «Правда» 8 февраля 1919 г. К марту — апрелю 1919 г. численность членов волостных и сельских партийных ячеек в губернии составила 9923 (см. таблицу 1). Подсчет произведен нами на основании материалов IV губернской партийной конференции, дополнен и уточнен при помощи отчетов и анкет уездных комитетов, списков партийных ячеек.

К весне 1919 г. в губернии стала складываться стройная партийная структура, важным элементом которой были волостные и сельские организации, районные комитеты партии. На решение вопроса об организации райкомов в каче-

[1] Там же, д. 177, л. 18—18об.
[2] Там же, д. 75, л. 30.
[3] Там же, д. 90, л. 2; д. 84, л. 1об.

Уездные комитеты РКП(б) стремились донести это решение до сельских коммунистов. Так, в марте 1919 г. Темниковский и Шацкий укомы утвердили инструкции низовым партийным ячейкам, в которых в специальный раздел выделен Устав групп сочувствующих. В нем регламентировались их статус, цели, задачи, права и обязанности. Инструкция Темниковского укома наделяла сочувствующих правом решающего голоса на совместных собраниях с членами партии. «При решении вопросов политического характера сочувствующие пользуются правом решающего голоса. В закрытых собраниях сочувствующие не участвуют».[1]

С марта 1919 г. организационно-партийная работа в деревне вступила в новый этап. Она стала строиться в соответствии с выдвинутым VIII съездом РКП(б) курсом — перейти от политики нейтрализации середняка к установлению прочного союза с ним. Необходимо было добиться решительного усиления влияния партии на крестьянские массы, проводниками этого влияния стали волостные и сельские коммунистические ячейки.

Партийные организации губернии развернули энергичную агитационно-пропагандистскую работу по разъяснению крестьянам сути решений съезда. Этот вопрос ставился на всех без исключения волостных конференциях, собраниях членов сельских ячеек.

Резолюция VII съезда РКП(б) «Об отношении к среднему крестьянству» предусматривала «поощрение товариществ всякого рода и сельскохозяйственных коммун».[2] Этот вопрос находился постоянно в поле зрения партийных организаций губернии. Еще в феврале 1919 г. на Тамбовской, Козловской, Кирсановской, Липецкой уездных конференциях принимаются решения, обязывающие сельских коммунистов принять самое непосредственное участие в жизни и деятельности сельскохозяйственных коллективов. Члены ячейки с. Иловай-Рождественское Козловского уезда организовали в своей волости сельскохозяйственную коммуну «Рассвет» и шестнадцать артелей для совместной обработки земли. Одна из крупнейших коммун губернии — Яблоновецкая Липецкого уезда была создана при активном участии коммунистов Шехманской волости. По подсчетам Н. А. Окатова, к марту 1919 г. в губернии было 102 коммуны и артели[3].

[1] Там же, д. 282, л. 5; д. 309, лл. 2—6.

[2] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 109.

[3] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 208, л. 11; д. 7, л. 26; Под знаменем Октября. Вып. 1. Тамбов, 1966. С. 96—97.

Елатомский, Спасский и Темниковский укомы успешно вели работу среди татарского и мордовского крестьянства. В Спасском уезде была создана группа инструкторов и агитаторов, хорошо владевших мордовским языком. В конце января в с. Бостаново Елатомского уезда состоялась губернская конференция мусульманских организаций РКП(б). Архивные материалы донесли до нас местонахождение пяти мусульманских ячеек губернии: г. Темников, села Бостаново, Большой Студенец, Азеево, Сургуди[1].

Работа волостных и сельских партийных организаций по выполнению решений VIII съезда РКП(б) была связана с немалыми трудностями. Полевение середняка в этот период только начиналось, протекало в различных районах страны разновременно и с различной интенсивностью[2]. В Тамбовской губернии этот процесс отличался некоторой замедленностью. Это проявилось, в частности, в увеличении доли беспартийных делегатов в низовых Советах. При безусловном господстве большевиков в губернских и уездных Советах их позиции в волостном и сельском звеньях оставались еще недостаточно прочными. По данным 21 анкеты о выборах в волостные и сельские Советы Тамбовской губернии из 342 делегатов было 49 коммунистов (14,3 процента) и 293 беспартийных (85,7 процента)[3].

В течение весны—лета 1919 г. происходил процесс резкого сокращения численности коммунистов в губернии и, как следствие этого,—снижение уровня партийной работы. В его основе лежали три главные причины: партийные мобилизации, выход из партии неустойчивых элементов, перерегистрации.

Партийные мобилизации в губернии, проводившиеся по решению III губернской партийной конференции, охватили сначала 1/15, затем 1/5 часть коммунистов. К 16 июля 1017 коммунистов отправились на фронт. В сентябре в Красную Армию влились еще 980 тамбовских коммунистов. Большинство мобилизованных составляли члены волостных и сельских ячеек. Так, из 135 коммунистов, посланных на фронт

[1] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 128, л. 77 об; д. 143, л. 60.

[2] Советское крестьянство. Краткий исторический очерк (1917—1968 гг.). М. 1970. С. 86; Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 364—365.

[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 607, ч. 2.

из Козловского уезда, было 99 крестьян[1]. Мобилизационные мероприятия проходили в обстановке революционного энтузиазма, демонстрировали дисциплинированность коммунистов.

Цифры не могут полностью отразить воздействие мобилизаций на состояние сельских партийных ячеек. Дело в том, что в первых рядах мобилизованных шли, как правило, наиболее опытные и стойкие коммунисты, многие из которых возглавляли комитеты ячеек или исполкомы Советов. Елатомский уком в августе 1919 г. сообщал в губернский комитет РКП(б), что из 21 организации, распавшейся в июне—июле 1919 г., 9 прекратили свое существование ввиду выбытия членов партии на фронт[2].

Проведение партийных мобилизаций вызвало панику среди тех, кто проник в партию, надеясь получить какие-то льготы, кто не был готов к тяжелой борьбе. В рядах РКП(б) были и откровенно чуждые, шкурнические элементы. Они попали в партию вследствие нарушений принципа индивидуального отбора, погони отдельных организаций за высокими цифровыми показателями. Это зафиксировано в астрономических цифрах численности ряда сельских ячеек. Так, Софьинская ячейка Кирсановского уезда насчитывала в конце 1918 г. 356 членов, Градо-Стрелецкая Козловского уезда — 249, Подгорнская того же уезда—300[3]. Ряд свидетельств отложился в архивных материалах. В докладе комиссии по перерегистрации членов партии Елатомского уезда описывается случай, как в уком «явилась поголовно ячейка РКП(б) Гридинской волости и заявила, что когда у них организовывали ячейку, то говорили, что все, кто запишется в партию, получат земли побольше, хуторки, лошадей и т. д. Ясно, что когда партии потребовалось напряжение всех ее живых сил, ...то вся эта кулацкая гвардия стала разбегаться»[4]. Значительная часть «партийного балласта» подавала заявления о выходе, не дожидаясь перерегистрации.

Всероссийская перерегистрация членов партии была объявлена с 1 мая 1919 г. по всей стране. Она стала фактически первой чисткой партии. В Тамбовской губернии она проходила летом 1919 г. Следует отметить, что в ряде уездов перерегистрации проходили и раньше. Например, в Борисоглебском уезде—в сентябре 1918 г., в Шацком—в январе

[1] Очерки истории Тамбовской организации КПСС. С. 89, 95; ПАТО, ф. 834, оп. 1, д. 7, л. 3об.
[2] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 156, л. 19.
[3] Вопросы истории КПСС. 1968. № 9. С. 80, 85—86.
[4] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 182, л. 7 об.

1919 г., в Моршанском и Козловском завершились к марту 1919 г.[1]. Они проводились по инициативе самих уездных комитетов для устранения обнаружнвавшихся ненормальностей роста партийных рядов.

Неточным является утверждение о том, что в результате перерегистрации численность губернской партийной организации сократилась до 7127 человек[2]. Такая цифра действительно встречается в протоколе мандатной комиссии V губернской партийной конференции (начало июня 1919 г.)[3]. Однако перерегистрация в Тамбовской губернии проводилась позже. На VI партконференции (октябрь 1919 г.) отмечалось: «...Работа в Тамбовской губернии отставала от работы во всероссийском масштабе. Так, перерегистрация, которая согласно решению ЦК должна была быть закончена в июле, запоздала». В Шацком уезде она проводилась с 1 по 15 июля, в Темниковском ее результаты были утверждены лишь 11 августа[4].

Сокращение численности членов РКП(б) губернии почти вдвое с марта по июнь 1919 г. определялось действием двух охарактеризованных выше факторов. В результате же перерегистрации, осенней мобилизации, последствий мамонтовского рейда численность партийных организаций и коммунистов еще более упала (см. таблицу 2). Если в июне в Тамбовской губернии было 507 низовых партийных ячеек с 8824 коммунистами и сочувствующими (из них 417 волостных и сельских ячеек, объединявших 3844 члена партии), то к октябрю осталось лишь 227 организаций с 3954 коммунистами и сочувствующими, на селе — соответственно 155 и 1720)[5].

Сокращение наиболее сильно отразилось на волостных и сельских партийных организациях, изменив соотношение между деревенскими и городскими коммунистами. Если весной 1919 г. на селе находилось более 2/3 состава губернской организации РКП(б), к концу июня 1919 г. — немногим более половины (а с учетом сочувствующих даже меньше), то к октябрю преобладающая часть коммунистов жила в городах. Тем не менее, если в целом по России к осени

[1] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 103; ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 39, л. 11об.; д. 65, л. 16; д. 75, л. 5.
[2] Очерки... истории Тамбовской организации КПСС. С. 91.
[3] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 78, л. 84.
[4] Там же, д. 83, л. 46; д. 286, лл. 34, 43; д. 307, л. 35 об.
[5] Эти цифры взяты из свободных ведомостей информационно-статистического отдела губкома РКП(б). Их точность подтверждается при сопоставлении с отчетами укомов. См.: ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 152, лл. 39—43.

1919 г. (до партийной недели) на каждую губернию приходилось в среднем 73 сельские ячейки, 7 ячеек на уезд, в каждой ячейке было не более 10 коммунистов,[1] в нашей губернии, как нетрудно подсчитать по таблице 2, эти показатели составляли 155, 13, 11.

Таблица 2.

Численность сельских партийных организаций Тамбовской губернии летом — осенью 1919 г.[2]

Название уезда / Число и состав партячеек	До перерегистрации (на 1 июля 1919 г.)		После перерегистрации (на 1 окт. 1919 г.)	
	ячеек	коммунистов и сочувствующих	ячеек	коммунистов и сочувствующих
Борисоглебский	38	590	18	179
Елатомский	6	71	8	63
Кирсановский	81	620	46	353
Козловский	66	174	24	286
Лебедянский	4	25	—	—
Липецкий	19	635	нет свед.	нет свед.
Моршанский	33	150	11	81
Тамбовский	65	700	27	491
Темниковский	13	158	3	30
Спасский	76	557	17	175
Усманский	25	276	—	—
Шацкий	16	41	2	18
Всего по губернии:	441	3997	156	1676

Лето 1919 г. стало трудным испытанием для волостных и сельских ячеек. С приближением Южного фронта внутренняя обстановка в Тамбовской губернии осложнилась. Губком РКП (б) объяснял это «стремлением крепко побитых по карману кулаков... использовать темные массы дезертиров. Не дремлют и эсеры, примазывающиеся к дезертирским бандам и пытающиеся руководить восстаниями под лозунгом

[1] Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961. С. 227. // Известия ЦК РКП(б). 1919. 2 декабря.

[2] См.: ПАТО, ф. 640, оп. 1, д. 128, лл. 16, 71; д. 139, лл. 1—6; д. 152, лл. 39—42.

«учредилки».[1] Однако в этих тяжелейших условиях деятельность партийных организаций в деревне не затухала, была многосторонней. В июле Моршанский уком для помощи в мобилизации членов профсоюзов и для борьбы с дезертирством вызвал по два-три человека от каждой ячейки уезда. Они несли двухнедельное дежурство и вели работу среди красноармейцев.

Видное место занимала агитационно-пропагандистская работа. «Красный коммунист, наш товарищ, — говорилось в отчете Верхоценской ячейки РКП(б) Тамбовского уезда, — шел с улицы в хату — эту семейную среду, и так просто и так убедительно вещал истину коммунизма». Этой же ячейкой была создана комиссия для борьбы с пьянством в волости, которой было поручено «решительное отрезвление общества». Многие волостные комитеты Спасского уезда активно участвовали в комплектовании школ учительскими кадрами.[2] Существенный вклад в усиление партийной работы на местах оказали уполномоченные губернского мобилизационно-политического бюро, образованного в мае 1919 г. На них возлагалась задача «детального обследования контроля и выпрямления местной партийно-советской работы».

С осени 1919 г. в связи с общим подъемом партийной работы в губернии активизируется деятельность волостных и сельских ячеек. Их росту способствовало дальнейшее изменение настроения крестьянства в пользу Советской власти. На VI губпартконференции этот сдвиг с удовлетворением констатировали делегаты от Шацкого и Козловского уездов. Аналогичные процессы были замечены также в Тамбовском и ряде других уездов. Прямым подтверждением этого явилось более действенное руководство уездных, волостных и сельских партийных организаций Советами соответствующих уровней. К декабрю в 7 из 8 райкомов Тамбовского уезда волостные комитеты установили полный контроль над исполкомами Советов. В Спасском уезде председатели всех двадцати двух волисполкомов являлись коммунистами. В Кирсановском уездном Совете из 206 членов коммунистов было 101 и 34 сочувствующих[3]. Повсеместно практиковались отчеты должностных лиц советских органов на заседаниях партийных ячеек.

[1] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 90, л. 19.

[2] Там же, д. 273, лл. 23—23об; д. 251, л. 21.

[3] Там же, д. 83, л. 74—77; д. 207, лл. 1—4об; д. 238, л.12; д. 269, л. 3об; ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, ч. 1, д. 604б, л. 13.

А. Л. АВРЕХ

ПАРТИЙНАЯ НЕДЕЛЯ 1919 г. В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В исследованиях по истории Тамбовской партийной организации приводятся лишь самые общие сведения о результатах партийной недели.[1] В статье на основе новых, ранее не публиковавшихся источников прослеживаются ход этой важнейшей политической кампании осени 1919 г. и ее роль в укреплении губернской партийной организации.

* * *

Летом — в начале осени 1919 г. произошло резкое падение численности партийных организаций в губернии (Таблица 1).

Таблица 1.

Движение состава губернской партийной организации (лето—осень 1919 г.)[2]

Уезды	Июль		К 1 октября	
	число коммунистов	число партийных организаций	число коммунистов	число партийных организаций
Борисоглебский	1128	44	410	23
Кирсановский	1124	95	479	47
Козловский	1239	93	481	26
Лебедянский	107	7	81	1
Липецкий	755	22	90	нет сведений
Моршанский	275	40	441	21
Елатомский	179	12	173	14
Спасский	743	79	231	18
Тамбовский	1801	105	1351	67
Темниковский	224	15	88	6
Усманский	425	26	122	2
Шацкий	203	19	97	5
ВСЕГО:	8203	557	4044*	230

[1] Аврех А. Л. Отделы по работе в деревне партийных комитетов Тамбовской губернской организации РКП(б). С. 8; Окатов Н. А., Шлановский В. В. Партийное строительство в губерниях Центрального Черноземья в 1918—1920 гг. С. 22; Очерки истории Тамбовской организации КПСС. С. 98—99.

[2] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 152, лл. 39, 41, 43, 44; д. 634, л. 2.

* По другим сведениям — 3839. См.: ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 634, л. 2.

Падение численности партийных организаций было связано с проведением в соответствии с решениями VIII съезда РКП(б) перерегистрации членов партии. В ходе перерегистрации, совпавшей с мобилизацией коммунистов на фронт, из партии были исключены и вышли из ее рядов «примазавшиеся», неустойчивые элементы из интеллигенции и мелкой буржуазии. «...Трусы и негодяи побежали прочь из партии»,[1] — писал В. И. Ленин. Очищение партийных рядов содействовало росту авторитета партии в массах, укрепляло ее руководящую роль.

В Тамбовской губернии, как и в Черноземном центре в целом, падение численности коммунистов было особенно большим. Численность РКП(б) за период с марта 1919 г. упала вдвое, численность губернской организации — более чем в три раза (в марте здесь насчитывалось более 13,5 тыс. коммунистов).[2]

Такое сокращение нельзя однозначно связывать с проходившей в основном в июле[3] перерегистрацией в собственном смысле, в ходе которой коммунисты сдавали партийные билеты, заполняли личные анкеты и представляли две рекомендации от членов партии со стажем не менее шести месяцев. Уже к июлю, т. е. до начала перерегистрации, губернская организация сократилась примерно на 40 процентов (более чем на 5 тыс. человек). На фронт к этому времени было направлено 1017 коммунистов[4].

Падение численности партийных организаций в июле — сентябре еще примерно на 4 тыс. человек частично связано с продолжающимися партмобилизациями. Свою роль сыграли военные действия в пределах губернии в августе — начале сентября. В то же время сохранившиеся единичные сведения о перерегистрации летом 1919 г., в ходе которой коммунисты фактически вновь проходили прием, свидетельствуют, что в некоторых уездах из партии исключалась незначительная часть явившихся на перерегистрацию. Так, в Лебедянской партийной организации из 62 членов партии, прошедших перерегистрацию, исключены были лишь трое, а пятеро переведены в группу сочувствующих, из 17 кандидатов в члены РКП(б) исключены трое, один переведен в

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 27.

[2] Девятый съезд РКП(б). март—апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. С. 574, 578.

[3] Тамбовский губком определил срок ее завершения к 15 июля. См.: ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 84, л. 31; д. 90, л. 161; д. 222, л. 31.

[4] Очерки истории Тамбовской организации КПСС. С. 89.

сочувствующие, из 14 сочувствующих исключены четверо. В Борисоглебском уезде в сентябре из более 250 коммунистов были исключены из партии пятеро[1].

Таким образом, резкий спад численности губернской партийной организации объяснялся выходом из партии неустойчивых элементов в критической ситуации лета—осени 1919 г.[2]. Сокращение партийных рядов было прямо связано с общеполитической обстановкой в губернии в этот период. Бурный рост партийных рядов в ходе комбедовского строительства на рубеже 1918 и 1919 гг. сопровождался определенным качественным ухудшением их состава. Полевение середняков в аграрной Тамбовской губернии только началось, на них падала возрастающая часть продовольственных обязанностей[3]. Безвозмездное изъятие продовольствия вызывало у них недовольство. Колебание середняка, ухудшение военной обстановки, малочисленность рабочей прослойки вызвали серьезные трудности в партийном строительстве. Проблема пополнения партийных рядов становилась все более острой.

Новые подходы в этой работе в русле выполнения линии VIII съезда РКП(б) стали проявляться летом 1919 г. 26 июля оргбюро ЦК РКП(б) утвердило «Положение о работе в деревне», предусматривающее создание специальной партийной структуры — отделов по работе в деревне[4]. Однако практически ее развертывание в Тамбовской губернии произошло лишь в 1920 г.[5].

Решающий перелом в партийном строительстве произошел в ходе «партийной недели» — важнейшей политической кампании конца 1919 г. Решение о ее проведении было принято ЦК РКП(б) 26 сентября 1919 г. В циркулярном письме Центрального Комитета «О партийной неделе. Ко всем партийным организациям» указывалось: «...принимаются только и исключительно рабочие и работницы, красноармейцы и

[1] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 216, л. 17; д. 173, л. 14.

[2] Характерно, что в уездах, втянутых в зону военных действий, перерегистрацию коммунистов «после Мамонтова» понимали как продолжение перерегистрации или повторную перерегистрацию. Проведшими перерегистрацию считались коммунисты, зарегистрировавшиеся после изгнания белых. См.: Там же, д. 214, л. 21.

[3] По заготовкам хлеба Тамбовская губерния в 1918 и 1919 гг. занимала ведущие места в общегосударственных поставках. См.: Труды ЦСУ. Т. VIII. Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 1. М., 1921. Продовольственное дело (1918—1920). С. 2.

[4] Известия Центрального Комитета РКП(б). (Далее—Известия ЦК). 1919. 30 сентября.

[5] См.: Аврех А. Л. Указ. соч. С. 9.

матросы, крестьяне и крестьянки. Для всех остальных на это время прием в партию закрыт... Все формальные ограничения на эту неделю для рабочих, красноармейцев и крестьян отменяются». В циркуляре намечалась схема кампании: запись производилась после проведения агитационно-пропагандистского мероприятия (лекции, собрания, митинги), списки доводились до сведения беспартийных, затем утверждались партийным органом. Порядок проведения недели жестко не регламентировался. Целью кампании было «удвоить партию».[1]

Решение ЦК РКП(б) строилось с учетом местного опыта. Инициаторами кампании выступили Петроградская, Астраханская и Московская партийные организации. В Петрограде в ходе состоявшейся в августе партийной недели в партию вступили более 6 тысяч рабочих и военнослужащих.[2]

Необходимость поиска новых приемов работы четко осознавалась и в Тамбовской партийной организации. 29 августа Моршанский уком принял решение о проведении «коммунистической недели» с целью «увеличения партийных сил». Для ее проведения была создана агитационная группа 27 коммунистов, приобретена литература «из экспедиции поезда «Октябрьская революция». Пропагандистские материалы публиковались в газете «Коммуна».

Итоги «коммунистической недели» (подведены укомом 22 сентября) оценивались критически: кампания совпала с проведением полевых работ и во многих местах агитаторы ограничились проведением бесед. Однако, в качестве пробной, неделя дала необходимый опыт. Дала она и непосредственный результат: в Моршанске было принято в партию около 100 человек, по уезду — 30, создано шесть новых ячеек[3]. 2 октября Темниковский уком в циркуляре волостным и сельским ячейкам, не формулируя конкретного плана, указал на необходимость проведения широкой работы по привлечению трудящихся в партию[4]. IV Шацкая уездная партийная конференция приняла решение о проведении в начале октября «недели коммунистической пропаганды» для «вербовки» новых членов партии.

[1] См.: Известия ЦК. 1919. 30 сентября.

[2] Китаев М. А. Партийное строительство в годы гражданской войны. С. 184.

[3] ПАТО, ф. 997, оп. 1, д. 47, лл. 1, 2; д. 48, л. 71; ф. 840, оп. 1, д. 84, л. 126; д. 302, л. 3 об.

[4] Там же, ф. 840, оп. 1, д. 289, л. 10.

15 октября Тамбовский губком уже на основе циркуляра ЦК РКП(б) выработал «схему организации недели» и определил ее ориентировочные сроки: в Козловском уезде — с 19 октября, Тамбовском — с 20, в южных уездах — с 25 октября, северных — с 1 ноября. Укомам было рекомендовано проведение открытых партийных собраний, различных агитационно-пропагандистских мероприятий под лозунгами: «Каждый коммунист несет в момент революции тяжелейшую и ответственнейшую задачу», «Коммунистическая партия дает не привилегии и требует полного предоставления сил своих членов для революции», «Мировая революция близка, задачи пролетариата и его партии огромны, чтобы их выполнить, каждый трудящийся должен быть членом РКП». Запись в члены партии предлагалось производить в соответствии с указаниями циркуляра ЦК РКП(б).[1]

Фактически партийная неделя в Тамбовской губернии проходила с 15 октября 1919 г. и включила в себя мероприятия по празднованию второй годовщины Великого Октября. В Тамбовском уезде—с 20 октября по 1 ноября, в Козловском — с 19 по 27 октября в уездном центре, в уезде—с 7 ноября (сроки окончания неизвестны), в Моршанском—с 7 по 14 ноября, в Кирсановском — с 1 по 7 ноября, в Липецком—с 7 по 14 ноября в уезде и с 24 по 30 ноября — в Липецке, в Борисоглебске — с 7 ноября (сроки окончания неизвестны), в Елатомском — с 23 октября по 1 декабря, в Шацком—с 20 октября по 7 ноября, в Темниковском — с 15 по 21 октября, в Лебедянском — с 1 по 7 ноября, в Усманском — закончилась 13 ноября (сроки начала неизвестны), в Спасском—с 23 октября по 15 ноября.[2]

21 декабря губком дал директиву о прекращении партийных недель и восстановлении уставных требований по приему.[3] Растянутость сроков недели объясняется как «техническими» причинами, связанными с организацией выезда агитаторов в сельскую местность, так и, главным образом, политическими — необходимо было максимально использовать кампанию в условиях близости фронта, продолжающихся полевых работ, проведения ряда других кампаний.

Схемы проведения недель в уездах были однотипны и в основных звеньях повторяли рекомендации ЦК и губкома

[1] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 84, л. 104.
[2] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 47, л. 69; д. 125, лл. 24об, 11, 34, 20, 30, 27, 10, 18; д. 143, л. 92; д. 214а, л. 111; д. 238, л. 12; д. 250, лл. 116, 123; д. 174, лл. 1об, 5; д. 216, л. 95; ф. 997, оп. 1, д. 47, лл. 9, 14об.
[3] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 84, л. 159.

партии. Как правило проведение недели начиналось с уездных центров, затем перемещалось в волости. Для проведения мероприятий в уездных центрах формально мобилизовались все члены организации, фактически работу вели специально выделенные группы агитаторов-инструкторов, такие же группы выезжали в сельскую местность. Особое внимание уделялось инструктированию, подготовке пропагандистских материалов. В выработанной Липецким укомом «Инструкции по проведению партийной недели» детально прорабатывалась методика работы в сельской местности. Инструктор должен был явиться в исполком местного Совета, определить маршрут, выяснить состав населения, созвать сход, на котором и проводить — после собеседований, которые могли длиться несколько дней, — запись (заполнение анкет) вступающих в партию; для желающих вступить в партию инструктор должен был оставить анкеты. В инструкции подчеркивалось, что беседы необходимо вести «самым популярным языком», затрагивая «все крестьянские вопросы».[1] В тезисах бесед определялись тематика и основное содержание выступлений на сходах: о ведении сельского хозяйства и коммуне, отношение к религии, партийная неделя и ее значение, крестьянство и партия, гражданская война. В рекомендациях укома подчеркивалась необходимость объяснения добровольности обобществления собственности в деревне, отношения коммунистов к верующим, причин возникновения гражданской войны.[2] Упор на разъяснение единства интересов рабочих и крестьян, коммунистов и беспартийных трудящихся указывает на прямую связь пропаганды в ходе партийной недели с линией VIII съезда РКП(б) по аграрно-крестьянскому вопросу. Готовились печатные материалы: плакаты, листовки, специальные выпуски газет, распространялась политическая литература. В губернском центре, Тамбовском, Кирсановском, Темниковском, Усманском и Козловском уездах во время недели было распространено около 69 тыс. экземпляров печатных материалов[3].

Однако решающее значение придавалось устной пропаганде и агитации: проведению митингов, митингов-концертов, митингов-спектаклей, лекций, собеседований, в ходе которых и проводился прием в партию. В течение недели в Козлове был проведен 51 митинг, в уезде — 95 митингов

[1] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 125, л. 1.
[2] Там же, лл. 4—5 об.
[3] Подсчитано по: ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 125, лл. 15, 18, 19, 23, 29.

центов абсолютного прироста и добились лучших относительных показателей (рост соответственно — в 3,8 раза в 4,3 раза, в 3 раза, в 2,6 раза). Их успех—результат гораздо больших организационно-политических возможностей, а также, по сравнению с южными и юго-западными уездами, относительной удаленности от фронта.

Основной прирост (более 84 процентов) пришелся на города и уездные центры, что в значительной мере объясняется организационными трудностями проведения недели в сельской местности. Практически во всех отчетах указывалось на совпадение кампании с перевыборами в местные Советы, с исполнением гужевой и продовольственной разверсток. Рост сельской партийной структуры происходил как на базе существующих ячеек, так и путем создания новых. В Тамбовском уезде к началу недели партийные организации имелись в 26 волостях из 46, запись прошла в 31, после недели ячейки имелись в 45 волостях. Ряд ячеек вырос существенно: Рассказовская — с 34 членов до 274, Пригородского поселка—с 82 до 128. Заметно окрепли некоторые небольшие организации, например, Красивская — с 8 до 27 членов. Вновь создаваемые ячейки не были крупными: Кочетовская — 11 членов, Казыванская — 8, Петровская—8.[1]

Целью недели было привлечение в партию передовых рабочих и крестьян. Сведения по Тамбовскому, Козловскому, Кирсановскому, Темниковскому, Липецкому, Усманскому, Спасскому уездам, городу Моршанску, давшим около 94 процентов приема, позволяют заключить, что среди принятых рабочие (по социальному происхождению) составили 41,9 процента, крестьяне (по социальному происхождению) — 11,2, красноармейцы — 46,9; женщины составили 12,7 процента принятых.[2]

Максимального приема рабочих достигли в г. Спасске — 67 процентов, лучших абсолютных показателей добились в Тамбовском уезде — 1667 человек. В Темниковском уезде более половины принятых составили крестьяне, но по абсолютному показателю первенствовали тамбовцы—414 человек. 75,5 процента принятых составили красноармейцы в Козлове, больше других уездов военнослужащих было принято в Тамбовском—1760. В Козловском уезде 15,8 процента принятых составляли женщины, а по абсолютному показателю впереди были тамбовцы—586 женщин.

Эти сведения носят приблизительный характер. Так, в общих сводках все женщины, вступившие в партию, значатся как работницы, что маловероятно: из принятых в Кирсанове 44 женщин 35 были домохозяйками.[1] В Борисоглебском уезде в партию были приняты, главным образом, «ремесленники». О непролетарских элементах среди вновь принятых говорилось на V Шацкой уездной конференции в конце декабря 1919 г. К этому же разряду относились и «прочие», принятые в партию в Моршанске.[2]

Таким образом, в проведении партийной недели в Тамбовской губернии были отступления от инструкции ЦК РКП(б)*. По-видимому, главная причина приема «непролетарского элемента» — острая потребность в численном росте партийных рядов. В то же время критичность обстановки не могла не сводить к минимуму угрозу проникновения в партию случайных элементов. Серьезным недостатком, на наш взгляд, была относительная слабость в приеме прослойки рабочих от станка. Если в Усманском уезде рабочие по социальному происхождению составили 54,1 процента принятых, то рабочие по социальному положению — 12,5 процента.[3]

В Кирсанове большинство принятых составляли служащие советских учреждений и красноармейцы[4], что объясняется немногочисленностью рабочего класса в уезде. Пролетарский актив в значительной мере был включен в партийный и советский аппарат.

На местах осознавалась необходимость недопущения в партию случайных элементов. Характерным можно считать решение Шацкого укома, исключившего из списка вступивших в партийную неделю бывшего урядника[5]. 15 декабря 1919 г. Тамбовский губком принял решение о «пересмотре» состава ячеек с целью очищения от «несоответствующих элементов»[6]. Принимая меры по включению вновь принятых в политическую работу (в Кирсановском уезде 75 комму-

[1] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 123, лл. 12—13; д. 125, л. 24об.

[2] Подсчитано по: ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 125, лл. 15, 18, 19, 20, 29.

[1] ПАТО, ф. 837, оп. 1, д. 64, л. 1.

[2] См.: Там же. ф. 840, оп. 1, д. 174, л. 72; д. 303, л. 2об.

* В Лебедянском уезде в период недели продолжается грием в партию «обычным порядком» выходцев из непролетарской среды (Там же, д. 215, л. 34). В Борисоглебском уезде «обычным порядком» были приняты 173 человека (Там же, д. 634, л. 2).

[3] Подсчитано по: ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 125, лл. 26, 29.

[4] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 64, л. 1.

[5] Там же, ф. 997, оп. 1, д. 47, л. 14 об.; д. 304, л. 149.

[6] Там же, ф. 840, оп. 1, д. 84, л. 149.

сокращавшихся военных партийных организаций и коммунистов, направлявшихся из городов. Для работы в деревне парткомы Воронежской губернии в 1923—1924 гг. направили 577 коммунистов[1], Курской губернии—более 200[2]. Свыше 500 членов партии в 1923—1925 гг. было направлено в деревню в Орловской губернии[3]. В Тамбовской губернии за этот же период было командировано 506 коммунистов[4].

Отделы губкомов основательно проверяли каждую кандидатуру, выясняли политический уровень командируемых, тщательно инструктировали их[5]. Все это способствовало повышению уровня партийной работы на селе. Однако имелись и отрицательные явления: в сельских ячейках много было «служилого» элемента и мало крестьян, занимавшихся своим хозяйством, или «от сохи», как тогда говорили. В Тамбовской губернии, например, в 1922 г. свое хозяйство вели 304 коммуниста и кандидата партии[6], что составляло лишь 19 процентов общего числа сельских коммунистов. В Кордюковской волостной ячейке (Тамбовская губерния) из 19 членов и кандидатов партии 18 человек работали в сельсоветах, в кооперации, милиции, на освобожденной партийной и комсомольской работе и только один крестьянин занимался своим хозяйством[7].

Учитывая увеличение пролетарской прослойки в партии в результате ленинского призыва, XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) признал необходимым возобновить прием в партийные ряды крестьян, в первую очередь батраков, маломощных, лучших из середняков[8]. В целях облегчения вступления

[1] ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 1055, л. 140; Чернявская Э. П. Партийно-политическая работа на селе в период восстановления народного хозяйства (1921—1927). Воронеж, 1972. С. 11.

[2] ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 293, л. 14; д. 380, л. 28.

[3] Отчет Орловского губернского комитета РКП(б) и Орловской губернской контрольной комиссии. К XV губернской конференции РКП(б). Орел, 1924. С. 19; Отчет Орловского губернского комитета РКП(б). Орел, 1924. С. 14; Отчет Орловского губернского комитета РКП(б). К XVII губернской конференции РКП(б). Орел, 1925. С. 3.

[4] XV Тамбовская губернская конференция РКП(б). С. 16; XVI Тамбовская губернская конференция РКП(б). Стенографический отчет. Тамбов, 1924. С. 14; Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII губернской партийной конференции. Тамбов, 1925. С. 3.

[5] См.: ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 508, л. 13; ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 177, л. 1; ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 458, л. 22, 251; ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1030, л. 89.

[6] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 2121, л. 44.

[7] Молчанова А. П. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства (Партийно-массовая работа в деревне в 1924—1925 гг.). М., 1956. С. 79.

[8] См.: КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 247.

в партию батраков, крестьян-землепашцев XIV конференция РКП(б) (апрель 1925 г.) сократила количество рекомендующих до двух коммунистов с двухлетним партийным стажем. Утверждение новых кандидатов партии этой категории передавалось от губкомов к укомам РКП(б)[1].

Эти меры способствовали численному увеличению сельских ячеек, росту в их составе доли крестьян «от сохи». Так, в течение года, с ноября 1924 г. по ноябрь 1925 г., в Орловской губернии в партию вступило 470 крестьян[2], в Курской губернии с ноября 1924 г. по декабрь 1925 г. было принято 834 крестьянина, включая 578 — «от сохи»[3], в Воронежской губернии с декабря 1924 г. по октябрь 1925 г. — 749 крестьян, из которых 443 — «от сохи»[4]. С января по декабрь 1925 г. в Тамбовской губернии был принят 1441 крестьянин, в том числе 910 — «от сохи», а всего за это время в партию было подано 1686 заявлений от крестьян-земледельцев[5].

В 1924—1925 гг. произошло значительное пополнение и обновление состава деревенских партийных ячеек. Это подтверждается следующими данными. На 1 сентября 1924 г. в 614 сельских ячейках Центрального Черноземья состояло 8246 коммунистов, которые распределились по губерниям так: Воронежская — 2496; Курская — 1992; Орловская — 1558; Тамбовская — 2200[6]. К началу 1926 г. в Центральном Черноземье насчитывалось уже 11603 сельских коммуниста, или около 40 процентов губернских партийных организаций, в том числе по губерниям: Воронежская — 3490; Курская — 2826; Орловская — 2729; Тамбовская — 2558[7].

Однако многие принимаемые в партию крестьяне, как и уже состоявшие в ней, были политически малограмотными. Причем политическая неграмотность зачастую сочеталась с азбучной неграмотностью. Проведенные в изучаемый период проверки сельских ячеек показали, что доля неграмотных среди деревенских коммунистов была весьма высокой. В некоторых ячейках Тамбовской губернии в январе 1923 г. про-

[1] Там же. С. 365.

[2] Отчет Орловского губкома РКП(б). К XVII губернской партийной конференции. Орел, 1925, с. 10.

[3] ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 462, л. 118.

[4] Молчанова А. П. Указ. соч. С. 94.

[5] Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII губернской партийной конференции. С. 23.

[6] Хатаевич М. Партия в деревне. // На аграрном фронте. Ежемесячный журнал. 1925. № 2. С. 104—105.

[7] Якушкин Е. М. Борьба партийных организаций Центрального Черноземья за идейное и организационное укрепление своих рядов. 1921—1925 гг. Дис...канд. ист. наук. Воронеж, 1980. С. 189—191.

Подавляющее большинство среди исключенных составляли крестьяне и служащие. В результате чистки социальный состав партийных организаций Центрального Черноземья улучшился. Так, в Воронежской губернии удельный вес рабочих в партии увеличился с 20,9 процента до 24,8 процента, в Тамбовской — с 27,3 процента до 30,9 процента, а других социальных групп — сократился.

Основным результатом чистки партии было укрепление ее пролетарского ядра. Удельный вес рабочих в РКП(б) в начале 1921 г. составлял 41 процент, а после чистки он достиг 44,4 процента [1], в промышленных губерниях рабочая прослойка увеличилась с 47 до 53 процентов, в земледельческих — с 31 до 38 процентов [2].

Чистка явилась эффективным средством, позволившим удалить чуждые элементы, пьяниц, взяточников, карьеристов и т. д. По неполным данным, проверочные комиссии Воронежской губернии исключили 84 человека (3,3 процента) [3], ранее состоявших в других партиях. Среди них были видные деятели партии эсеров: Баев — член ЦК партии эсеров; Токмаков — секретарь губкома левых эсеров, Пастухов — организатор эсеровских дружин [4]. В Тамбовской губернии были исключены 93 человека (ок. 4 процентов), в т. ч. бывших эсеров — 52, меньшевиков — 39, анархистов — 2 [5].

Чистка позволила обнаружить недостатки в работе партийных органов. Комиссии отмечали отсутствие правильного учета коммунистов в некоторых организациях. Имелись случаи неправильного сообщения времени вступления в партию и биографических данных. Повсеместно ощущался острый дефицит в партийных работниках. Слабой была теоретическая подготовка коммунистов, внутрипартийное просвещение стояло на низком уровне. Все это сказывалось на состоянии партийной работы.

В выводах для Центральной комиссии Воронежская губернская комиссия предлагала ввести во всероссийском масштабе стаж рекомендующих и представление биографий при вступлении в партию [6].

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, чистка дала положительные результаты. Улучшился социальный состав

[1] См.: Всероссийская перепись РКП 1922 года. Вып. 4. С. 37.
[2] См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 648—649.
[3] ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 415, л. 28.
[4] Там же, д. 468, л. 2.
[5] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1526, л. 92.
[6] См.: ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 415, л. 30.

Результаты чистки партии Центрального

Наименование организации	Число коммунистов до чистки				Исключе
	Всего	Социальный состав			всего
		рабочих (в %)	крестьян (в %)	служащ. и проч. (в %)	
Воронежская	7848	1644 (20,9)	5403 (68,9)	801 (10,2)	2503 (31,8)
Курская	6370	нет сведений			1625 (25)
Орловская	6549	нет сведений			1299 (25)
Тамбовская	7916	2151 (27,3)	4602 (58,1)	1163 (14,6)	2345 (29,6)
ИТОГО по ЦЧ губерниям	28683				7772 (27,5)

[1] Таблица составлена по данным: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, д. 530, л. 29; оп. 60, д. 333, л. 65; ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 637, л. 77; Известия Воронежского губкома. 1922. № 24. С. 40; ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 156, л. 3; ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 254, л. 39, 51; ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 1238 а, л. 16.

Таблица 1

в 1921 г. в губерниях Черноземья[1]

но и выбыло в ходе чистки			Осталось после чистки			
Социальный состав				Социальный состав		
рабочих (в %)	крестьян (в %)	служ. и проч. (в %)	Всего	рабочих (в %)	крестьян (в %)	служ. и проч (в %)
300 (12,0)	1823 (72,8)	380 (15,2)	5345	1341 (24,8)	3680 (67,5)	421 (7,7)
нет сведений			3438	1487[x] (43,8)	831[x] (24,5)	1080[x] (31,7)
222 (17,1)	444 (34,0)	633 (49,0)	4125	1237[x] (30,0)	2281[x] (50,4)	807[x] (19,6)
428 (15,1)	1708 (60,0)	509 (21,7)	5571	1723 (30,9)	3194 (57,3)	654 (11,8)
—	—	—	18479	5791 (31,4)	9716 (52,6)	2972 (16)

* Социальный состав по Курской и Орловской парторганизациям после чистки дан только по членам партии.

партийных организаций, укрепилось единство их рядов, повысился авторитет и влияние среди трудящихся масс. Заметно оживилась работа ячеек. Это отмечали все губкомы РКП(б) Черноземного Центра.

Одновременно с чисткой проходила Всероссийская перепись членов РКП(б) с последующим обменом партийных билетов. Перепись членов партии в большинстве губерний Центральной России началась с 1 января 1922 г. Число ячеек и коммунистов в партийных организациях Центрального Черноземья до начала переписи показаны в таблице 2[1].

Губерния	Число уездов	Количество ячеек			Количество коммунистов				
		всего	в городе	в селе[x]	всего	в городе	в селе[x]	в среднем для городской ячейки	в среднем для сельской ячейки
Воронежская	12	380	100	280	5120	3082	2040	31	7
Курская	15	324	136	188	4675	2935	1740	21	9
Орловская	8	293	127	166	5263	3341	1922	26	12
Тамбовская	12	526	200	326	6453	3944	2509	20	8
ИТОГО:	47	1523	563	960	21511	13300	8214	98	36

В Черноземном Центре сельских ячеек было больше, чем городских, но в них было меньше коммунистов. Как правило, сельские ячейки были малочисленны. Так, в селе Ново-Дубовом Воронежской губернии, насчитывавшем 8 тыс. жителей, ячейка РКП(б) состояла из 6 человек. В таком составе ячейке было трудно работать среди беспартийных. Поэтому увеличение числа коммунистов на селе являлось одной из важнейших задач в улучшении организационно-партийной работы.

Результаты переписи членов партии в губерниях Центрального Черноземья показаны в таблице 3.

Перепись дала возможность установить точное число членов партии на территории края, их социальный состав и другие данные. Она показала, что удельный вес рабочих сре-

[1] Таблица составлена по данным: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Итоги предварительной разработки по 24 губерниям и областям и общая сводка по всей партии. Вып. 3. М., 1922. — С. 67, 68, 69, 72.

* Количество ячеек на селе, коммунистов в них и среднее число, приходящееся на одну городскую и сельскую ячейку, подсчитано автором.

Таблица 3

Состав партийных организаций Центрального Черноземья по результатам переписи членов РКП(б) 1922 г.[1]

Губернии	Число членов РКП(б)	Социальный состав								Число выходцев из других партий	
		рабочие		крестьяне		служащие		прочие			
		в абс. ц	в %	в абс. ц	в %	в абс ц	в %	в абс. ц	в %	в абс. ц	в %
Воронежская	**3708**	**1227**	33,1	1340	36,1	918	24,8	223	6,0	55	1,8	**153**	4,1
Курская	3966	1751	44,2	951	23,9	1056	26,6	208	5,3	72	1.8	165	4,2
Орловская	**4281**	1750	30,8	1321	30,8	1006	23,5	265	4,8	89	2.1	130	3,0
Тамбовская	5541	2036	28,5	1580	28,5	1669	30,1	236	4,3	76	1,4	157	2,8
ИТОГО по ЦЧО	**17496**	6784	38,8	5191	29,7	4649	26,6	872	4,9	293	**1,7**	605	3,5
По 12 промышленным губерниям Центральной России	**196663**	52856	52,0	17567	16,4	27433	25,7	6118	5,81	4644	4.62	6954	6.5
По 28 земледельческим губерниям	93792	37945	40,4	28260	30,1	22916	24,4	4671	4,98	1849	1,97	**11531**	12,2

[1] Таблица составлена по данным: Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. Итоги предварительной разработки по 24 губерниям и областям и общая сводка по 28 губерниям. Вып. 3. С. 54—57.

ди коммунистов края после чистки увеличился и достиг 38,8 процента. Однако он был несколько ниже, чем в других районах страны. Так, в промышленных губерниях Центральной России рабочие в партии составляли 52 процента, а в земледельческих — 40,4 процента.

Всероссийская перепись членов РКП 1922 г. явилась важным средством идейно-организационного укрепления партии. Полученные данные о социальном составе позволили партийным организациям выработать необходимые меры по его регулированию. Перепись способствовала правильной постановке учета коммунистов.

Первая массовая чистка рядов РКП(б), перерегистрация, обмен партийных билетов значительно улучшили социальный состав партии, повысили боеспособность партийных организаций. Но решить таким путем все вопросы, связанные с укреплением единства РКП(б), было нельзя. Поэтому партия взяла решительный курс на вовлечение в свои ряды рабочих. XI Всероссийская партийная конференция (декабрь 1921 г.) в целях защиты партии от угрозы засорения ее случайными, обывательскими элементами, сохранила порядок приема новых членов, установленный на период чистки до XI съезда.

Исключительную роль в укреплении единства партии, охране чистоты ее рядов сыграли письма В. И. Ленина «Об условиях приема новых членов в партию». В них он критиковал проект тезисов Зиновьева «Об укреплении партии», в которых выдвигалось предложение о шестимесячном кандидатском стаже для рабочих и крестьян и годичном — для остальных. Это предложение Зиновьева могло привести к наплыву в партию мелкобуржуазных элементов. В целях усиления пролетарского ядра В. И. Ленин предлагал: 1) увеличить размеры кандидатского стажа для всех категорий; 2) детально определить, в чем должно состоять прохождение кандидатского стажа, чтобы он не превратился в пустую формальность; 3) создать квалифицированное большинство в тех партийных органах, которые решают вопрос о приеме новых членов; 4) утверждать этот прием не только решением губкомов РКП(б), но и контрольных комиссий[1]. Предложения В. И. Ленина были поддержаны многими партийными организациями страны. Например, X Курская губпартконференция (март 1922 г.) высказалась за увеличение сроков кандидатского стажа[2].

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.

[2] См.: Знамя коммунизма. Орган Курского губкома РКП(б). 1922. № 4-5 (14-15). С. 33.

XI съезд партии, в целях затруднения вступления в ее ряды непролетарских элементов, ввел новые условия приема в РКП(б) по трем категориям в зависимости от социального положения вступающих: 1) рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян; 2) крестьяне (кроме красноармейцев) и кустари, не эксплуатирующие чужого труда; 3) служащие и прочие. При приеме в партию по первой категории требовались рекомендации 3 коммунистов с трехлетним стажем с последующим утверждением укомами и райкомами; по второй — надо было представить рекомендации трех членов партии с трехлетним стажем, но с последующим утверждением губкомом; по третьей — рекомендации пяти коммунистов с пятилетним стажем при обязательном утверждении губкомом. Независимо от социальной принадлежности, выходцы из других партий принимались по третьей категории. Молодежь до 20 лет, за исключением красноармейцев, принималась в партию через РКСМ. Кандидатский стаж для первой категории устанавливался в шесть месяцев, для второй — один год, для третьей — два года[1]. Решения съезда широко открыли двери партии для рабочих, ограничив вступление в ее ряды непролетарских элементов.

Все эти меры были внесены в новый Устав партии, принятый XII Всероссийской конференцией (август 1922 г.) и стали нормами партийной жизни.

XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) внес некоторые изменения в условия приема в партию. На съезде отмечалось, что РКП(б), являясь пролетарской партией, должна систематически повышать в своих рядах удельный вес промышленных рабочих, ограничивая и регулируя прием других элементов. В связи с этим съезд сократил на один год число рекомендующих для рабочих от станка с трех до двух с двухлетним стажем. Такой же порядок приема устанавливался для красноармейцев (из рабочих и крестьян), имеющих не менее одного года стажа члена РКСМ[2].

Уже в конце 1923 г. на основе решений XII съезда партийные организации добились определенных успехов в увеличении удельного веса рабочих в своих рядах. Только за 1923 г. в Тамбовскую губернскую организацию были приняты 1065 рабочих[3].

В целях еще большего укрепления пролетарского ядра XIII конференция РКП(б) (январь 1924 г.) дала указание

[1] См.: КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 339—340.
[2] См.: Там же. С. 452.
[3] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 2723, л. 5.

вовлечь в партию в течение года не менее 100 тысяч рабочих от станка, облегчив им условия вступления и прекратив на время прием остальных категорий[1]. В своем решении конференция исходила из того, что в рабочем классе наиболее сильны революционные традиции, он менее других подвержен мелкобуржуазному влиянию и духу собственничества.

21 января 1924 г. нашу партию, советский народ, трудящихся всего мира постигло огромное горе: скончался гениальный продолжатель дела К. Маркса, основатель Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства — Владимир Ильич Ленин. В траурном обращении ЦК РКП(б) «К партии, ко всем трудящимся» говорилось, что «это был прирожденный вождь пролетарской армии, гений рабочего класса[2], которому он отдал всю свою жизнь.

В дни величайшей скорби рабочий класс и трудящееся крестьянство нашей страны показали высокую идейность и верность ленинскому делу. Повсюду проходили траурные митинги и собрания, участники которых заявляли о готовности связать свою судьбу с ленинской партией. Это движение, ставшее всенародным, убедительно свидетельствовало об огромном авторитете партии, ее глубоких связях с трудящимися.

Учитывая стремление передовых рабочих к вступлению в партию, Пленум ЦК, состоявшийся 29, 31 января 1924 г., объявил ленинский призыв в ряды РКП(б). В течение первых пяти дней после смерти В. И. Ленина в партийные организации Центрального Черноземья поступили сотни заявлений о вступлении в РКП(б). Их число росло быстро. В первых рядах этого движения шли рабочие крупных промышленных предприятий. 1 февраля 140 рабочих Воронежских и 20 — Отрожских железнодорожных мастерских подали заявления о приеме в РКП(б)[3]. Такое же стремление к вступлению в партию продемонстрировал пролетариат и в других губерниях Центрального Черноземья. Так, 21 февраля 1924 г. Курский губком партии в инструктивном письме отмечал, что курский пролетариат, который, несмотря на малочисленность, неоднократно в годы революции доказывал свою преданность делу партии, сможет дать в ее ряды не менее тысячи новых членов[4].

Прием в партию, несмотря на подачу многочисленных кол-

[1] См.: КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 512.
[2] Там же. С. 535.
[3] Известия. 1924. 2 февраля.
[4] ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 373, л. 29.

лективных заявлений, проходил строго индивидуально, в обстановке высокой требовательности и принципиальности, с участием беспартийных рабочих. Проникновению в ряды РКП(б) всех недостойных элементов, карьеристов был поставлен надежный заслон. Так, партийные организации Тамбовской губернии отказали в приеме 355 лицам, подавшим заявления[1], в Курской губернии из 1578 человек было принято только 888[2], Iрайком г. Воронежа утвердил кандидатами в члены партии 593 человека из 896[3].

Ленинский призыв в основном был завершен к XIII съезду РКП(б), состоявшемуся в конце мая 1924 г. К этому времени в партийные организации страны было подано свыше 350 тысяч заявлений от рабочих, крестьян и красноармейцев[4], а приняты в ряды РКП(б) 241591 человек[5]. В ряды партии, прежде всего, принимались те, кто активно участвовал в работе комсомола, Советов, профсоюзов, кооперации, делегатки женотделов.

Ленинский призыв позволил значительно улучшить социальный состав партии. За период с I января по 1 июня 1924 г. удельный вес рабочих увеличился с 44 до 60 процентов. Среди кандидатов в члены РКП(б) рабочие от станка составляли на 1 июня 1924 г. 63 процента, а крестьяне от сохи — 11,8 процента[6]. Женщин было принято 23538 человек[7].

XIII съезд дал высокую оценку организаторской и массово-политической работе партийных организаций в период ленинского призыва. Съезд отмечал, что основной задачей в период ленинского призыва было не простое увеличение числа РКП(б), а «увеличение партии за счет основных кадров пролетариата в производстве. Эта задача продолжает стоять перед партией и после XIII съезда»[8].

Ленинский призыв в губерниях Черноземного Центра закончился 1 июля 1924 г. В ряды партии было принято 4737[9] человек, в т. ч. в Воронежской губернии — 889, Курской —

[1] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 2723, л. 5.
[2] Отчет Курского губернского комитета РКП(б) за год работы (с 1 марта 1923 г. по 1 мая 1924 г.). Курск, 1924. С. 51—52.
[3] ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 1212, л. 27.
[4] История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 4, Кн. 1. М., 1970. С. 318.
[5] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 37.
[6] РКП(б) в цифрах. Вып. 2. М., 1924. С. 7-8.
[7] Партия в цифровом освещении. Материалы по статистике личного состава партии. Вып. 1. М.-Л., 1925. С.82.
[8] См.: КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 46.
[9] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 7, л. 113; ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 1085, л. 57.

1109, Орловской — 490, Тамбовской — 2249. В подавляющем большинстве это были посланцы промышленного пролетариата. Так, в Курскую губернскую организацию влилось 1070 рабочих от станка[1], Воронежскую — 792[2]; в Тамбовскую, по данным на май 1924 г., — 1076 человек[3]. В результате заметно увеличилась численность партийных организаций крупных промышленных предприятий, выросли новые ячейки РКП(б). Все это создавало более благоприятные условия для работы среди беспартийных.

Пролетариат Центрального Черноземья направил в ленинскую партию по призыву наиболее крепкую, выдержанную, активную, сознательную часть своих братьев по классу. Это видно на примере коммунистов ленинского призыва I и II районов г. Воронежа. Всего здесь было принято 694 человека, преимущественно рабочих. В результате удельный вес их в партийной организации I района г. Воронежа увеличился с 54 процентов до 70,9 процента, а у станка работало 50 процентов всех коммунистов. Только 11,5 процента нового пополнения имели производственный стаж менее 5 лет, у остальных он был значительно выше. Подавляющее большинство вновь принятых в партию (75,8 процента) участвовало в гражданской войне и 9 процентов — в революционной борьбе. Неграмотных среди них было 0,5 процента[4]. По всем данным это было отличное пополнение в ряды партии.

Таблица 4[5]

Губернии	Удельный вес рабочих (в %)	
	до ленинского призыва	после ленинского призыва
Воронежская	23,0	38,2
Курская	27,0	40,3
Орловская	26,0	34,0
Тамбовская	30,8	49,3

[1] ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 418, л. 14.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, д. 37, л. 40.
[3] ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 2723, л. 5.
[4] ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 1073, л. 66; д. 1065, л. 67.
[5] Таблица составлена по данным: ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 1055, л. 80; д. 1307, л. 12; ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 379, л. 39; д. 383, л. 11; Отчет Орловского губкома РКП(б) и Орловской ГКК к XV губпартконференции за время апрель 1923 г. — апрель 1924 г. — Орел, 1924. — С. 8; ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 2747, л. 1.

Ленинский призыв сыграл исключительную роль в увеличении пролетарского ядра даже в типично крестьянских губерниях Черноземного Центра.

Данные таблицы показывают, что больше всего число рабочих в партии увеличилось в Тамбовской губернии — почти на 19 процентов, меньше в Орловской — на 8 процентов.

В ходе ленинского призыва в губерниях Черноземного Центра было принято в партию 419 женщин[1]. Большинство из них составляли работницы от станка, делегатки женотделов, активно работающие в общественных организациях.

Таким образом, ленинский призыв не только увеличил численность партийных организаций края, но и улучшил социальный состав, укрепил монолитность их рядов. Еще более выросли связи партии с массами. Благодаря ленинскому призыву, партия получила новый источник пополнения руководящего состава партийных и государственных органов за счет активных, способных рабочих с производства.

В период ленинского призыва вместе с рабочими решительно заявили о своем стремлении еще теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии и крестьяне. В партийные организации поступали тысячи заявлений от бедняков и середняков. Однако существовавшее в тот период временное ограничение в приеме непролетарских групп вынуждало партийные организации рассматривать заявления, поданные крестьянами, только в исключительных случаях.

В апреле 1924 г. Курский губком сообщал в ЦК, что крестьянство, особенно батрацкие элементы, обижаются, если «их не принимают в партию». Губком считал, что «в чисто земледельческой губернии с такими моментами приходится считаться». Поэтому было принято решение о приеме крестьян, прежде всего батраков и сельскохозяйственных рабочих, в партию[2]. Такое же положение сложилось и в других губерниях Черноземного Центра. На местах применялись различные формы организации крестьян, подавших заявления о приеме в партию. В Орловской губернии они были отнесены к категории испытуемых, посещали собрания партячеек, участвовали в обсуждении общественно-политических и хозяйственных вопросов[3]. Это в определенной степени уменьшило остроту вопроса. Однако в некоторых партийных организациях края имели место перегибы. Так, Острогожский

[1] См.: Уварова Г. Т. Женотделы партийных комитетов Центрального Черноземья (1921—1927 гг.). Воронеж, 1975. С. 36.
[2] ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 373, л. 3.
[3] См.: Известия ЦК РКП(б). 1924. № 11 (16). С. 7.

уком РКП(б) Воронежской губернии пытался создать из крестьян, подавших заявления, особую организацию. Был разработан даже своеобразный устав, в котором определялись права, обязанности их членов, порядок приема и исключения[1]. Центральный Комитет, учитывая успехи в укреплении пролетарского ядра РКП(б) в ходе ленинского призыва, издал 10 мая 1924 г. циркуляр № 143, разрешавший в порядке исключения принимать в партию наиболее преданных, честных крестьян: батраков, бедноту, демобилизованных красноармейцев, крестьянок-делегаток. Всего по стране было намечено принять 20 тысяч человек[2]. Фактически это был ленинский призыв крестьян в партию.

Согласно установленной разверстке в Воронежской губернии намечалось принять 300 человек, Курской — 200, Орловской — 150, Тамбовской — 300[3]. При определении количества принимаемых крестьян ЦК РКП(б) учитывал социальный состав губернских организаций, соотношение между числом городских и сельских коммунистов, удельный вес членов партии «у сохи». XIII съезд, принимая во внимание успехи в улучшении качественного состава партии, отменил временные ограничения о приеме крестьян в ряды РКП(б)[4]. Это решение имело огромное значение. Вовлечение лучшей части крестьян в партию способствовало укреплению ее связи с массами сельских тружеников, количественному росту и улучшению качественного состава деревенских ячеек, которые были очень малочисленны.

Губерния	Период	Принято крестьян	
		всего	от сохи
Воронежская	1.XII.1924 г. — 1.VI.1925 г.	375	173
Курская	1.I. 1.VII.1925 г.	506	221
Орловская	1.XII.1924 г. — 1.VII.1925 г.	357	—
Тамбовская	1.X.1924 г. — 1.V.1925 г.	404	284
ИТОГО:		1642	678

[1] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 63, л. 34.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 267, л. 88.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 34, л. 5, 6.
[4] См.: КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 82.

Партийные организации Черноземного Центра проделали большую работу по отбору в партию из массы крестьян наиболее стойких, честных, активно поддерживающих Советскую власть[1].

Эти данные показывают, что партийные организации Черноземного Центра успешно выполнили задачу, поставленную XIII съездом РКП(б). Новое пополнение представляло собой лучшую часть бедняцко-середняцких слоев крестьянства. По данным Воронежского, Курского и Тамбовского губкомов более 50 процентов вновь принятых коммунистов работали непосредственно в сельском хозяйстве, что позволило укрепить в качественном и количественном отношениях малочисленные деревенские ячейки. Рост числа крестьян в рядах партии говорил об усилении влияния рабочего класса в деревне, об укреплении его союза с трудящимся крестьянством. Однако в этот период речь шла о приеме в партию только наиболее сознательной части крестьян, т. к. в своей основной массе оно пока еще не могло являться социальной базой ее роста.

В условиях нэпа, в связи с ростом капиталистических элементов и усилением их политической активности, наблюдалось проникновение мелкобуржуазной идеологии в ряды партии. Это привело в конце 1923 г. к возникновению внутрипартийной оппозиции, которую XIII Всесоюзная конференция РКП(б) охарактеризовала как «явно выраженный мелкобуржуазный уклон»[2]. В резолюции конференции отмечалось, что «оппозиция объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и ее политику»[3].

Мелкобуржуазному влиянию поддались наименее устойчивые члены партии и кандидаты преимущественно из непролетарских районов и ячеек. XIII съезд РКП(б) отмечал, что партия должна не только давать решительный отпор подобным колебаниям, «но и принимать предупредительные меры как идейного, так и организационного порядка против возникновения их в будущем»[4].

Выполняя решение XIII съезда, ЦК РКП(б) объявил чистку непроизводственных ячеек. В инструкции «О проверке непролетарского состава РКП(б)» Центральный Комитет указывал, что задачей проверки советских и вузовских ячеек является чистка их от социально чуждых, разложившихся и оторвавшихся от партии элементов[1].

[1] Подсчитано по данным: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, д. 39, л. 89, оп. 68, д. 296, л. 30; ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 388, л. 59; д. 479, л. 62; ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 1219, л. 10.

[2] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2, С. 511.

[3] Там же.

[4] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3, С. 44.

В. В. Куйбышев в докладе на Пленуме ЦКК РКП(б) 4 октября 1924 г. отмечал, что «основным подходом при разборе дел должно быть партийное воспитание и только во вторую очередь партийное наказание... Именно этот подход к делу с точки зрения сохранения доверия рабочих и крестьян к партии мы должны применять ко всем внутренним процессам, которые имеются»[2].

Руководство чисткой возлагалось на ЦКК РКП(б), а в губерниях на губернские контрольные комиссии (ГКК). В октябре—декабре 1924 г. во всех губерниях Черноземного Центра состоялись пленумы губкомов партии, на которых были утверждены составы комиссий и планы работы по чистке, определены ее задачи, сроки начала и окончания. Всего по Центральному Черноземью решено было проверить 169 ячеек и 15 уездных городских организаций, в которых насчитывалось 7040 коммунистов[3].

Губернские контрольные комиссии внимательно следили за ходом чистки и своевременно оказывали помощь проверочным комиссиям. ГКК стремились не допустить, чтобы чистка превратилась в «огульное недоверие ко всем членам партии, находящимся на советской и хозяйственной работе, так же, как к учащимся»[4]. Так, проверочные комиссии в Курской губернии в начале чистки основное внимание обратили на выяснение степени политической грамотности коммунистов, совершенно не интересовались вопросами быта, этики и т. д.[5]. Курская ГКК вынуждена была провести необходимую разъяснительную работу с членами проверочных комиссий, доказать ошибочность такого подхода к проверке. В Тамбовской губернии допускались случаи неправильного исключения из партии. Тамбовская ГКК, рассматривая аппеляции,

[1] См.: Руководящие материалы к проверке членов и кандидатов РКП(б) в ячейках, не связанных с производством. М., 1925, С. 5.

[2] Руководящие материалы к проверке членов и кандидатов РКП(б) в ячейках, не связанных с производством. С. 25.

[3] Подсчитано по данным: ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 1087, л. 2; ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 1218, л. 29; ПАТО, ф. 840, оп. 1, д. 3230, л. 118; Спутник большевика. Орган Курского губкома РКП(б). 1925. № 7. С. 16.

[4] Руководящие материалы к проверке членов и кандидатов РКП(б) в ячейках, не связанных с производством. — С. 5.

[5] См.: ПАКО, ф. 65, оп. 1, д. 463, л. 63.

кивается в новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом, — партия усиливает свое влияние на различных участках коммунистического строительства»[1].

А. И. БОРЗИХИН

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1928—1933 гг.)

Осуществление задач социалистической реконструкции сельского хозяйства и упрочение ее на основе социально-политического единства рабочих и крестьян объективно требовало от партии дальнейшего укрепления деревенских партийных организаций, повышения их организующей роли как опорных пунктов пролетарского руководства крестьянством.

Деревенские партийные организации Центрального Черноземья добились определенных успехов в решении задач, поставленных XV съездом партии. Партийные ячейки в деревне, отмечал орган обкома ВКП(б) ЦЧО, журнал «Ленинский путь», — «все больше и больше становятся центром всей партийной, общественной, политической жизни деревни, центром объединения всех наиболее сознательных сельскохозяйственных пролетариев и деревенской бедноты, центром идейного руководства всеми организациями социалистического строительства в деревне»[2].

Однако состояние сельской партийной организации как в целом по стране, так и в ЦЧО не отвечало все возрастающим требованиям партийного руководства колхозным строительством. На 1 июля 1928 г. в области на 101000910 человек сельского населения, на 5063 сельсовета приходилось 1174 деревенских ячейки, объединяющих 16321 коммуниста (т. е. в среднем на одну ячейку приходилось 4 сельсовета и на 10 тыс. человек — 16 коммунистов), а в ряде округов партийная прослойка была еще ниже[1]. Например, в Козловском округе на 859 человек сельского населения насчитывался 1 член партии, на 5 сельсоветов — одна ячейка[2].

Проведенные обкомом и окружкомами в 1928—1929 гг. обследования значительного количества сельячеек по выяснению степени их участия в колхозном строительстве выявили серьезные недостатки в их работе. В основном они сводились к следующему.

В о-п е р в ы х, несоответствие организационных форм партсети в деревне задачам бурного роста колхозного движения. Созданные по территориальному принципу, многие сельские партийные ячейки были слабо связаны с сельскохозяйственным производством. На 1 июля 1928 г., к моменту образования области, насчитывалось всего 19 ячеек, в них — 251 коммунист[3]. На 1 июля 1929 г. имелось 64 партячейки при колхозах. Из общего количества 8700 коммунистов, занятых в сельском хозяйстве, в колхозах состояло только 3300 человек (38,5 процента), из них в колхозных ячейках — 647 человек, а остальные 2653 числились за другими сельскими ячейками[4].

В о-в т о р ы х, недостаточный уровень партийно-массовой работы на селе. Слабая организация батрачества и деревенской бедноты вокруг ячеек и задач, стоящих перед ними. Работа по вовлечению в ряды партии батрацкого и бедняцкого актива, передовых колхозников отставала от требований времени. Незначительное участие крестьян-коммунистов в общественной жизни деревни, и как следствие этого — невысокая авторитетность большинства сельячеек. Например, из 533 коммунистов Козловского округа (73 процента всех коммунистов-крестьян), охваченных анкетным обследованием, 35 процентов были совершенно не втянуты в общественную работу в деревне[5].

В-т р е т ь и х, низкий общеобразовательный, политический уровень развития сельских коммунистов, слабость агрономических знаний не давали им возможности в значительной мере расширить мероприятия по коллективизации.

В-ч е т в е р т ы х, большинство коммунистов имело не-

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 185.
[2] Ленинский путь. 1929. № 1. С. 45.

[1] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 132, лл. 12, 15, 56.
[2] ПАТО, ф. 835, оп. 1, д. 204, л. 104.
[3] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 56.
[4] Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1927—1937 гг.). Воронеж, 1978. С. 34.
[5] ПАТО, ф. 835, оп. 1, д. 21, л. 55.

большой стаж партийной работы. Наличие в ряде ячеек, как говорилось в документах того времени, «болезненных явлений» (связь с кулачеством, оторванность от масс, искривление партлинии). И, наконец, значительная часть деревенских организаций была засорена чуждыми элементами.

В этих условиях первостепенное значение приобретали вопросы роста и укрепления деревенских партийных ячеек, повышение их роли как политического организатора и руководителя бедняцко-середняцких слоев деревни. I областная партийная конференция, проходившая в августе 1928 г., отметив необходимость организационного и политического укрепления сельской низовой организации ВКП(б), поручила обкому партии принять ряд специальных мер для укрепления сельячеек[1]. В числе основных мероприятий по повышению боеспособности деревенских партийных организаций большое значение имели улучшение социального состава сельских ячеек и перестройка их по производственному принципу построения партсети.

Одной из важных мер по укреплению партийного руководства колхозным движением являлось улучшение социального состава деревенских ячеек, очищение их от неустойчивых, чуждых и разложившихся элементов. Большую роль в этом сыграла чистка, проводившаяся в 1929 г. по решению XVI партийной конференции. Главная цель проверки сельских партийных организаций заключалась в том, чтобы «...превратить деревенские ячейки в опорные пункты Коммунистической партии в деревне, укрепить доверие к партии, привлечь в ряды партии лучшие коммунистические элементы, батраков и бедняков, и двинуть вперед коллективизацию сельского хозяйства»[2].

Партийная организация ЦЧО, проводя чистку своих рядов, особые требования предъявила к проверке деревенских ячеек. Проверка проходила при широком и активном участии крестьянских масс. В Тамбовском округе на открытых партийных собраниях по чистке партии присутствовало 120499 человек, выступило около 15 тысяч, проверяемым было задано свыше 30 тысяч вопросов[3]. Это свидетельствовало о заинтересованности крестьянских масс в судьбах партии и той политики, которая ею проводится.

[1] См.: Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1927—1937 гг.). С. 34.
[2] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. С. 242.
[3] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 312, л. 93.

Объединенный пленум обкома и ОблКК ВКП(б), проходивший в декабре 1929 г., подвел итоги чистки. По состоянию на 15 ноября 1929 г. по деревенским ячейкам из 15500 проверенных было исключено 2759 человек — 17,8 процента, получили выговор 16 процентов. Процент исключенных по деревенским ячейкам превышал и средние цифры по всей партии (15,7 процента), и по другим земледельческим областям (например, в Средне-Волжской области — 15,3 процента)[1].

В результате проведенной чистки улучшился социальный состав областной партийной организации[2]:

	до чистки	после чистки
рабочих:	49,9%	51,6%
крестьян:	32,5%	30,7%
служащих:	17,6%	17,7%

В укреплении деревенских партийных ячеек важную роль сыграла следующая чистка, проведенная по решению январского (1933 г.) Пленума ЦК ВКП(б). Выполняя задачи поставленные пленумом, райкомы и ячейки занялись проверкой своих рядов, в результате за 1 квартал 1933г. по ЦЧО было исключено из партии 3876 человек[3].

Наряду с чисткой деревенских ячеек партийные организации проводили большую работу по вовлечению в партию наиболее подготовленных рабочих, батраков, бедняков, колхозников. Это можно проследить на примере отдельных окружных партийных организаций Центрального Черноземья. По Тамбовскому округу в Ленинские дни на 25 января 1930 г. было подано 2570 заявлений о приеме в партию: из них от рабочих — 1452, батраков и сельскохозяйственных рабочих — 426, крестьян — 673[4]. С июля 1928 г. по апрель 1930 г. количество крестьян-коммунистов в Тамбовской организации увеличилось с 776 до 1129 человек[5].

Вопросы роста и регулирования социального состава постоянно были в центре внимания областного комитета партии. В постановлении бюро обкома ВКП(б) от 16 апреля 1929 г. «О результатах регулирования социального состава и вербовки рабочих в областную партийную организацию» была поставлена задача, чтобы «...процент рабочих с произ-

[1] Там же, л. 18.
[2] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 625, л. 144.
[3] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 1820, л. 186.
[4] ПАТО, ф. 855, оп. 1, д. 335, л. 2.
[5] Деятельность партийных организаций по созданию предпосылок и осуществлению коллективизации в Центральном Черноземье Тамбов, 1984. С. 77.

водства среди вновь принимаемых составлял не ниже 70 процентов в среднем по области, а количество батраков в общем составе принимаемых деревенскими парторганизациями равнялось бы не менее 40 процентам»[1]. С июля 1928 г. до января 1930 г. по области было принято в кандидаты 15921 человек, в числе которых рабочая группа с батраками составляла 73,7 процента[2].

Рост партии всегда был тесно связан с наиболее актуальными задачами переживаемого страной этапа. В связи с массовой коллективизацией сельского хозяйства важное политическое значение приобрело вовлечение в партию передовых колхозников. ЦК ВКП(б) в постановлении от 6 февраля 1930 г. «О дальнейшей работе по регулированию роста партии» отмечал, что «широко развернувшаяся массовая коллективизация и осуществление политики ликвидация кулачества как класса, с одной стороны, и малочисленность парторганизаций в деревне, с другой, требуют расширения рядов деревенских организаций за счет сельскохозяйственных рабочих, рабочих совхозов и батраков и более решительного вовлечения в партию передовых колхозников, особенно из бедноты»[3]. За пять лет с момента образования ЦЧО в партию было принято 13176 сельскохозяйственных и лесных рабочих и 49352 колхозника[4]. Из года в год количество принимаемых в партию колхозников возрастало (См. таблицу 1).

Таблица 1

Соотношение числа приема в партию колхозников и крестьян-единоличников[5]

Годы	Принято в партию крестьян, в том числе			
	колхозников		крестьян-единоличников	
	абс. ц.	% %	абс. ц.	% %
1929	1223	10	1217	9,9
1930	10662	37,1	902	3,2
1931	19705	51,6	118	0 3

[1] Известия обкома ВКП(б) ЦЧО. 1929. № 14. С. 3.
[2] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 125, л. 28.
[3] Партийное строительство. 1930. № 3-4. С. 85.
[4] Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1927—1937 гг.). С. 34.
[5] Таблица составлена нами по: ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 125, л. 28; д. 1239, л. 6; д. 1824, л. 296; Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1927—1937 гг.). С. 193.

Данные таблицы 1 позволяют проследить процесс значительного возрастания численности колхозников в рядах сельских партийных организаций ЦЧО. Преимущественное вовлечение в партию передовых колхозников позволило партийным организациям упрочить политическую основу проводимых мероприятий, связанных с коллективизацией сельского хозяйства, и расширить свое влияние на беспартийные крестьянские массы. Увеличение численности колхозников, вступивших в ряды ВКП(б), свидетельствовало и о росте их идейно-политического уровня, осознания общности и единства своих целей с задачами рабочего класса по социалистическому переустройству сельского хозяйства.

Осуществление задач социалистического преобразования деревни требовало не только количественного роста сельских партийных организаций, но и коренного изменения как организационной перестройки сети, так и методов партийного руководства. От повышения уровня партийного руководства зависели дальнейший рост коллективизации и качественное укрепление колхозов. Созданные по территориальному принципу, сельские партийные организации были слабо связаны с сельскохозяйственным производством, и в силу этого не могли в необходимой степени играть организующую роль в решении новых задач. В Центрально-Черноземной области, по данным на 1 июля 1928 г., имелось в деревне 955 сельских ячеек, при колхозах — 19 и совхозах — 92[1]. Объединенный пленум обкома и ОблКК ВКП(б) (декабрь 1929 г.), разработавший меры по реализации решений ноябрьского Пленума ЦК, признал необходимым реорганизовать сеть деревенских партячеек в соответствии с темпом и размахом колхозного строительства, добиться полного вовлечения всех членов и кандидатов партии в колхозы.

В резолюции «О задачах организационно-партийной работы» областного оргсовещания, проходившего в январе 1930 г.[2], в постановлении обкома ВКП(б) ЦЧО от 18 марта 1930 г. «О построении партсети в районах сплошной коллективизации»[3] отмечалось, что в работе сельских партийных организаций производственные задачи не являлись главными, медленно происходило переустройство организационных форм партийно-массовой работы. В целях усиления партруководства колхозным строительством было принято решение во

[1] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 56.
[2] Известия обкома ВКП(б) ЦЧО. 1930. № 6. С. 12.
[3] См.: Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1927—1937 гг. С. 134—137.

всех селениях, где были созданы колхозы, перестроить территориальные сельские ячейки в соответствии с производственным принципом, при всех МТС должны были быть организованы партячейки.

В феврале 1931 г. ЦК ВКП(б) утвердил «Положение о ячейке ВКП(б) в колхозах»[1]. В нем получила дальнейшее совершенствование организационная структура сельских партийных организаций, а также формы и методы их работы. Проект положения, опубликованный в августе 1930 г., получил широкое обсуждение в партийных организациях области. В соответствии с этими решениями перестройка форм партийной работы стала осуществляться более интенсивно, партийное руководство колхозным производством стало более конкретным и действенным.

Если на 1 января 1930 г. было всего 162 колхозные ячейки, что составляло 12 процентов всей деревенской партийной организации и объединяли они 1941 члена и кандидата партии, то на 1 января 1931 г. — соответственно 856 ячеек (44,7 процента) и 14344 коммуниста, а вместе с партийными организациями совхозов и МТС они составляли 62,7 процента[2]. С ростом партийной сети происходило также укрупнение ячеек ВКП(б) в колхозах и совхозах области. В среднем состав колхозной ячейки ВКП(б) был равен на 1 января 1930 г. 11 партийцам, а на 1 января 1931 г.—17[3]. Эти цифры говорят о том, что партийными организациями была проделана определенная работа по перестройке партсети в деревне. Если раньше основой деревенской партийной организации была сельская ячейка, построенная по территориальному признаку, то к 1931 г. основой все больше становилась ячейка, построенная на основе определенной хозяйственной единицы — совхоза, колхоза, МТС.

Тем не менее проделанная работа была еще недостаточной. Нередко перестройка носила формальный характер. Большинство ячеек являлись, по сути дела, межколхозными. Так, в 9 районах сплошной коллективизации из 110 ячеек ВКП(б) в колхозах в одном колхозе вела работу только 31 ячейка, а остальные обслуживали по два и более колхозов, то есть сеть имеющихся колхозных партячеек была не в состоянии охватить действенным руководством быстро растущее колхозное строительство[1]. Необходимы были новые меры по дальнейшему укреплению и перестройке работы сельских партийных ячеек, организации их по производственному принципу.

[1] См.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935 гг. М., 1957. С. 363—370.
[2] Ленинский путь. 1931. № 19-20. С. 27.
[3] Ленинский путь. 1931. № 7-8. С. 67.

Важное значение в связи с этим имело постановление ЦК ВКП(б) «О работе парторганов в связи с ликвидацией округов» от 21 февраля 1931 г.[2], в котором с особой силой подчеркивалась необходимость приближения партийно-советского аппарата к селу, колхозам посредством перенесения центра тяжести всей партийной работы в производство. К практическому выполнению этого постановления обком ВКП(б) ЦЧО приступил 2 апреля 1931 г., приняв решение о его реализации[3]. Этим решением были предусмотрены перестройка аппарата обкома партии и областных организаций, перестройка работы райкомов ВКП(б) и сельских партийных ячеек, организация опорных пунктов партработы в деревне путем создания парткомов при совхозах, МТС и крупных колхозах, образование инструкторско-пропагандистских групп в райкомах партии. В дальнейшем были намечены организационные формы перестройки, установлен порядок создания парткомов при совхозах, колхозах и МТС, определено содержание их деятельности.

Проведение этой работы проходило под непосредственным руководством областного комитета партии. Помимо обязательного утверждения сети и отдельных опорных пунктов, практиковались специальные совещания и вызовы ряда райкомов с докладами о проделанной работе. С апреля по июль 1931 г. было проведено 7 совещаний с участием представителей от 83 райкомов. Для помощи партийным организациям в перестройке партработы в деревне в мае и июле 1931 г. было послано 115 человек студентов партсектора комвуза[4].

В процессе перестройки некоторые районы допустили ошибки, выразившиеся в формальном подходе к проведению этой работы, в объединении в парткомы ячеек без учета их особенностей, степени удаленности от опорных пунктов, в попытке включения всех ячеек района в парткомы. Однако в целом практика создания опорных пунктов себя оправдала.

[1] Там же.
[2] См.: Справочник партийного работника. Вып. VIII. М., 1934. С. 276.
[3] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 1107, лл. 221 об. — 222.
[4] ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 1233, л. 1.